

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1885

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLV.

ЯНВАРЬ. — ФЕВРАЛЬ. — МАРТЬ.

АРСЕНІЙ МАЦѢВИЧЪ, МИТРОПОЛИТЪ РОСТОВСКІЙ, ВЪ ССЫЛКѢ.

Историческій очеркъ по вновь открытымъ матеріаламъ.

1767—1772 гг.

На страницахъ „Русской Старины“ напечатаны два обширныхъ изслѣдованія о высшей степени замѣчательной личности ростовскаго митрополита Арсенія Мацѣевича и его борьбѣ съ Екатериною II. Изслѣдованія эти принадлежатъ профессору С.-Петербургской духовной академіи Н. И. Барсову („Русская Старина“ изд. 1876 г., томъ XV, стр. 721—756) и профессору кievскаго университета, нашему уважаемому и постоянному сотруднику В. С. Иконникову („Русская Старина“ изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 731—752; т. XXV, стр. 1—34, 577—608; т. XXVI, стр. 1—34, 177—197).

Предлагаемый нынѣ очеркъ И. Я. Морошкина составленъ по вновь открытымъ матеріаламъ, хранящимся въ Государственномъ Архивѣ. Онъ во многомъ исправляетъ и дополняетъ не только рассказъ г. Барсова, но и превосходное изслѣдованіе профессора В. С. Иконникова. Ред.

Со дня смерти Арсенія Мацѣевича прошло 112 лѣтъ (1884—1772=112 лѣтъ), но до сихъ поръ еще не изданы всѣ документы, относящіеся къ его второму дѣлу, хранящемуся въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: дѣло о митрополитѣ ростовскомъ и ярославскомъ, Арсеніи Мацѣевичѣ, сужденномъ и посланномъ подъ именемъ Андрея Врала въ заточеніе въ Ревельскую крѣпость за выраженія оскорбительныя для императрицы Екатерины II ¹⁾).

¹⁾ Госуд. Арх., разрядъ VI, № дѣла 399. Такова новая обложка этого дѣла, писанная рукою П. П. Пекарскаго, бывшаго начальникомъ отдѣленія секретнаго Архива въ М. И. Дѣлѣ; сохранилась и первоначальная обложка

Второе слѣдственное дѣло объ Арсеніи ровно девяносто лѣтъ, со дня смерти Арсенія (1862—1772 гг.), хранилось въ большомъ секретѣ и найдено въ кабинетѣ императора Александра Павловича въ 1827 году; въ томъ же году, по повелѣнію государя Николая Павловича, при посредствѣ статсъ-секретаря Николая Назаревича Муравьева, это дѣло было препровождено, 19 іюля, въ Димитрію Николаевичу Блудову, который въ томъ же 1827 году былъ пожалованъ въ статсъ-секретари и занималъ должность товарища министра народнаго просвѣщенія; еще въ 1826 году Блудовъ получилъ назначеніе въ слѣдственную комисію о злоумышленныхъ обществахъ и занимался потомъ пересмотромъ историческихъ документовъ, хранящихся въ разныхъ архивахъ, особенно въ архивѣ кабинета его императорскаго величества; въ 1830 годахъ, при содѣйствіи Д. Н. Блудова, дѣло Арсенія Мацѣвича, вмѣстѣ съ другими дѣлами тайной канцеляріи, поступило во вновь образовавшійся при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ государственный архивъ, но здѣсь до 1862 года оно никому не было даваемо для прочтенія и снятія съ него копій.

Только съ 1862 года, девяносто лѣтъ спустя послѣ смерти Арсенія Мацѣвича, появляются болѣе или менѣе цѣнные матеріалы, касающіеся судьбы Арсенія Мацѣвича, и въ 1862 году, болѣе другихъ лѣтъ, появилось въ разныхъ изданіяхъ матеріаловъ, замѣтокъ и біографій о бывшемъ ростовскомъ митрополитѣ Арсеніи Мацѣвичѣ. Поэтому, въ 1862 году, въ газетѣ „День“ ¹⁾ И. А. Чистовичъ, въ первый разъ сообщившій извлеченіе (весьма краткое) изъ этого дѣла, могъ сказать объ Арсеніи Мацѣвичѣ, въ предисловіи къ своей статьѣ, что Арсеній Мацѣвичъ принадлежитъ къ числу лицъ, еще не тронутыхъ исторіею.

Но, прочитавши весь напечатанный матеріалъ, служащій къ біографіи Арсенія Мацѣвича, мы задаемъ себѣ вопросъ, все ли издано объ Арсеніи Мацѣвичѣ и до сего времени? На этотъ вопросъ, имѣя въ своихъ рукахъ всѣ документы послѣдняго его

этого дѣла, въ которой оно поступило въ Государственный Архивъ: о расстригѣ Арсеніи, іеродиаконѣ Іоасафѣ Лебедевѣ и прочихъ. 1767 г. Декабря 20 числа (къ этому времени было рѣшено дѣло объ Арсеніи). Дѣло объ Іоасафѣ Лебедевѣ рѣшено было 1768 года 4 декабря. Всѣхъ въ дѣлѣ писанныхъ листовъ 389.

¹⁾ №№ 15 и 25.

дѣла и многіе изъ перваго его дѣла, мы можемъ смѣло отвѣтить на предложенный вопросъ, что двѣ трети документовъ по этому одному дѣлу еще не появлялись въ печати, изданные же документы, какъ касающіеся перваго, такъ и втораго слѣдственнаго дѣла объ Арсеніи Мацѣвичѣ, изданы неточно и съ большими ошибками и съ пропусками; отъ чего произошли эти неточности и погрѣшности—мы не беремъ рѣшать этого вопроса, но мы ихъ много замѣтили въ изданныхъ документахъ объ Арсеніи Мацѣвичѣ; эти неточности и просмотры въ изданныхъ документахъ исправляются нами при посредствѣ списанныхъ нами документовъ съ подлиннаго дѣла объ Арсеніи Мацѣвичѣ.

Въ 1862 году И. М. Снегиревъ ¹⁾ высказываетъ мысли, которыхъ мы не можемъ принять за чистую монету: „долго заглушаемое имя Арсенія вышло на свѣтъ изъ-подъ спуда архивнаго и жизнь Арсенія сдѣлалась предметомъ историческихъ изслѣдованій“.

По нашему мнѣнію это — *via desideria* и для настоящаго времени; до сихъ поръ еще не появилось въ печати допросовъ Арсенія и монаховъ Николаевскаго Корельскаго монастыря, допросовъ ихъ и очныхъ ставокъ, всей переписки по этому дѣлу Архангелогородской губернской канцеляріи съ генераль-прокуроромъ, княземъ А. А. Вяземскимъ, и князя Вяземскаго съ нею и съ прокуроромъ В. Нарышкинымъ; не напечатаны также дополнительные допросы и очныя ставки и другіе документы, относящіеся ко второму слѣдственному дѣлу объ Арсеніи Мацѣвичѣ. Поэтому фраза Снегирева остается пустою фразою, не имѣющею подъ собою фактической подкладки. Является необходимость въ томъ, чтобы издать всѣ документы, относящіеся къ послѣднему дѣлу Арсенія и издать ихъ въ полномъ видѣ, и тогда только можно провести цѣлостный взглядъ на весь ходъ слѣдственнаго дѣла объ Арсеніи.

П. П. Пезарскій ²⁾, указывая на подлинное дѣло объ Арсеніи Мацѣвичѣ, хранящееся въ государственномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, вмѣстѣ съ тѣмъ перечисляетъ и

¹⁾ Въ своей брошюрѣ: Арсеній Мацѣвичъ, митрополитъ ростовскій и ярославскій, съ его портретомъ. Москва. Русскія достопамятности, выпускъ IV.

²⁾ См. въ Энциклоп. Словарѣ, Сиб. 1862 г., статью его подъ заглавіемъ: „Арсеній Мацѣвичъ, митрополитъ ростовскій и ярославскій“.

важнѣйшія изъ бумагъ въ этомъ дѣлѣ, которыя бы слѣдовало издать; эти бумаги выше указаны нами и оныя до сихъ поръ не появлялись въ печати. Издавая ихъ въ свѣтъ, мы приводимъ въ исполненіе литературное завѣщаніе П. П. Пекарскаго, который для составленія имъ статьи объ Арсеніи Мацѣвичѣ въ энциклопедическомъ лексиконѣ тщательно просматривалъ это дѣло и находилъ многіе документы въ этомъ дѣлѣ столь цѣнными, что считалъ необходимымъ заявить объ этомъ печатнымъ словомъ.

Выраженія же въ указанной нами брошюрѣ И. М. Снегирева: „тяжба Арсенія черезъ столѣтіе обратила на себя вниманіе и участіе русскаго міра, подняты его дѣла, таившіяся въ пыли архивовъ, нѣкоторыя тайны распечатаны, о немъ обнародованы письменныя свидѣтельства и преданія, возбуждены вопросы, вызваны на судъ свѣта самъ Арсеній, его судьи, друзья и враги“ — мы признаемъ преувеличенными фразами и не вполне справедливыми, какъ очевидно изъ вышеприведенныхъ нами словъ и подтверждаемыхъ притомъ такимъ авторитетомъ въ наукѣ, каковъ былъ П. П. Пекарскій; онъ самъ разбиралъ и читалъ подлинное дѣло Арсенія Мацѣвича и, послѣ появленія въ свѣтъ эвстракта изъ этого дѣла И. А. Чистовича ¹⁾ въ „Днѣ“, заявлялъ въ своей статьѣ въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ ²⁾, что многіе изъ документовъ этого секретнаго дѣла еще не издавы въ свѣтъ и желательно было бы видѣть ихъ въ печати.

Имѣя въ виду таковую цѣль, мы рѣшились издать всѣ бумаги, касающіяся второго слѣдственнаго дѣла объ Арсеніи Мацѣвичѣ и тѣ бумаги изъ перваго его слѣдственнаго дѣла, которыя изданы съ пропусками и погрѣшностями въ другихъ изданіяхъ.

Трудъ нашъ касается всей жизни и общественной дѣятельности Арсенія, а равно заключаетъ въ себѣ изложеніе двухъ слѣдственныхъ о немъ дѣлъ. А именно:

Первая глава заключаетъ въ себѣ литературу объ Арсеніи и взглядъ на его жизнь и страданія писателей и историковъ. Въ этой же главѣ будутъ указаны матеріалы и пособия, служившіе намъ къ составленію означеннаго очерка. Высказанъ будетъ нашъ взглядъ на Арсенія Мацѣвича.

Вторая глава касается рожденія, воспитанія и первоначальной службы Арсенія до полученія имъ каведры, сначала Тобольской, на непродолжительное время, а потомъ Ростовско-Ярославской. Управленіе его тою и другою

¹⁾ Въ газетѣ „День“, 1862 г. №№ 15 и 25.

²⁾ 1862 г. Спб. Томъ V Словаря, статью его см.: Арсеній Мацѣвичъ.

митрополитами. Взглядъ на Арсенія, какъ на администратора и какъ на человѣка.

Третья глава. Арсеній какъ обличитель раскола. Его увѣщаніе игумену Іоасафу. Дополненіе къ обличенію неправды раскольнической. Дѣло о посадномъ человѣкѣ города Романова Петрѣ Болчковѣ, доносившемъ на Арсенія за уничтоженіе имъ часовень, которыя служили молебными для раскольниковъ (1751 г.). Возраженіе Арсенія на Молотокъ (или на пасквили лютеранскій), на Камень вѣры Стефана Яворскаго. Арсеній какъ проповѣдникъ.

Четвертая глава. Содержаніе протестовъ Арсенія противъ взятія въ казну церковныхъ вотчинъ. Его арестъ и судъ надъ нимъ. Первая его ссылка въ Николаевскій Корельскій монастырь. Обрѣтеніе мощей св. Дмитрія, митрополита ростовскаго, и переложеніе ихъ въ новую серебрянную раку въ присутствіи императрицы.

Пятая глава. Второе слѣдственное дѣло объ Арсеніи, излагаемое нами по официальнымъ документамъ.

Приложенія, относящіяся къ первому и второму слѣдственному дѣлу объ Арсеніи Мацѣвичѣ.

Здѣсь на страницахъ „Русской Старины“ мы, согласно желанію ея редакціи, представляемъ послѣднюю главу нашей монографіи, именно изложеніе по подлиннымъ, доселѣ неизданнымъ, документамъ второго слѣдственнаго дѣла о злополучномъ Арсеніи Мацѣвичѣ.

Иванъ Морошкинъ.

I.

1767 года, мая 11, монахъ Николаевскаго Корельскаго монастыря, Филаретъ Батоговъ, пришедъ въ архимандриту Антонію въ прихожую кельи, словесно объявилъ при казначей, игуменѣ Геннадіи и при братіи о похвальныхъ рѣчахъ того-же монастыря іеродіакона Іоасафа Лебедева; будучи они, Лебедевъ и Батоговъ, за монастыремъ въ домѣ, тутъ при монастырѣ живущаго Кузьюзерской деревни, крестьянина Ивана Тимоѣева, сына Корѣльскаго, и при другихъ постороннихъ людяхъ, означенной іеродіаконъ Лебедевъ между прочими рѣчами похвалялся, что я ножемъ разрѣжу у архимандрита Антонія брюхо его и выну сердце, и суди меня въ томъ всемилостивѣйшая государня.

1767 году сентября 7-го дня пополуночи въ 12 часу, пришедъ въ архангелогородскую губернскую канцелярію, состоящую отъ

города Архангельскаго въ разстояніи 30 верстъ, Николаевскаго Корельскаго монастыря монахъ Филаретъ Батоговъ подалъ на всевысочайшее ея императорскаго величества имя доношеніе, которымъ доносилъ того-жъ монастыря на іеродіакона Іоасафа Лебедева въ говоренныхъ имъ, Лебедевымъ, сего 1767 году, іюль 30 дня, словахъ: знаетъ-де онъ, Лебедевъ, секретъ по 1-му и 2-му пунктамъ на архимандрита Николаевскаго Корельскаго монастыря Антонія и на другого, который находится въ томъ монастырѣ въ ссылке, о чемъ-де онъ, Батоговъ, того-жъ часу, какъ услышалъ, пришедъ въ келью архимандричью, объявилъ архимандриту Антонію, который, взявъ его, Лебедева, въ келью, ударилъ ропомъ три раза и посадилъ на цѣпь, а потомъ и выпустилъ.

По доношенію Батогова, а по резолюціи губернской канцеляріи іеродіаконъ Лебедевъ, случившійся тогда въ городѣ Архангельскомъ, того-жъ числа сысканъ и секретно допрашиванъ. Тотъ сознался во всемъ, что на него показывалъ Батоговъ. Лебедевъ противъ перваго и втораго пунктовъ показалъ нижеслѣдующее.

1) По приказу архимандрита Антонія, онъ жилъ у содержащагося монаха Арсенія семь мѣсяцовъ для услуженія и въ прошедшій-де великій постъ, по приходѣ его, архимандрита, къ монаху Арсенію, послѣдній далъ архимандриту письмо, въ коемъ написано о гонящихъ святую церковь и онъ, Лебедевъ, разумѣетъ, что Арсеній въ томъ же числѣ полагаетъ и ея императорское величество; ибо-де онъ, монахъ Арсеній, съ нимъ, Лебедевымъ, неоднократно говаривалъ, будто бы ея императорское величество наша неприродная и не надлежало ей російскаго престола принять, да и его императорское высочество государь цесаревичъ Павелъ Петровичъ боленъ золотухою и такъ-де Богъ знаетъ, кто послѣ его высочества будетъ, а надлежитъ-де Ивану Антоновичу и содержащимся въ Холмогорахъ отцу его и прочимъ, и эти разговоры монаха Арсенія слышали стоящіе на караулѣ подпорщики Семень Алексѣевской и съ нимъ солдаты, о чемъ и съ архимандритомъ Антоніемъ, Арсеній многократно говаривалъ, и архимандритъ про все это зналъ и по тому письму всѣ іеромонахи и архимандритъ на проскомидіи поминали до Святой Пасхи, а августа 15 числа, то письмо онъ, іеродіаконъ Лебедевъ, унесъ и имѣется у него въ монастырѣ спрятано въ кельѣ, кое и представить можетъ.

2) Сего году, апрѣля 21 числа, т. е. въ день ея императорскаго величества рожденія, послѣ литургіи пришли къ монаху Арсенію монахи съ поздравленіемъ, и онъ, Арсеній, не поднесъ имъ, также и стоящимъ у него на караулѣ, вина, объявляя, что не дастъ вина, и то Лебедевъ почитаетъ изъ пренебреженія его, Арсенія, къ ея императорскому величеству, а послѣ того, какъ онъ Лебедевъ сталъ Арсенію говорить съ уворизною: развѣ онъ, Арсеній, ея императорское величество не почитаетъ, и тогда онъ, Арсеній, унтеръ-офицеру и солдатамъ принужденъ былъ вина поднести.

3) Архимандритъ Антоній августа 1 дня у себя въ кельѣ при всей братіи говорилъ, за что-де по присланному изъ синода указу поминовеніе исправлять по государскимъ фамиліямъ, пускай-де въ тѣ числа поминають тѣ, кто больше жалованье беретъ.

4) Монаха Арсенія архимандритъ и всѣ монахи почитаютъ за архіерея и принимаютъ отъ него благословеніе, такъ какъ отъ архіерея и называютъ архіереемъ, коего архимандритъ Антоній и причащаетъ всегда у престола Божьяго не такъ какъ простаго монаха, а какъ священнослужителя.

И потому показанію Лебедева архимандритъ Антоній, прилучившійся тогда въ городѣ Архангельскомъ, сыскавъ, взять подъ караулъ и секретно допрашивать.

Архимандритъ во всемъ показанномъ на него монахомъ Батоговымъ и іеродіакономъ Лебедевымъ заперся, прибавивъ къ этому, о чемъ-де Батоговъ на Лебедева доносилъ, тому есть записка.

Для изысканія истины, по опредѣленію губернской канцеляріи, для отысканія и взятія показанныхъ въ допросахъ Лебедева и Антонія писемъ и прочихъ, касающихся по тому дѣлу людей и для осмотра въ архимандричьей и монаха Арсенія кельяхъ писемъ не найдется-ль какихъ къ сему секретному дѣлу приличныхъ, или и другой матеріи, но важность содержащихъ, въ тотъ Николаевскій монастырь того-же сентября съ 7 на 8-е число пополуночи въ 5-мъ часу отправлены были губернаторскій товарищъ Анничковъ и прокуроръ Нарышкинъ, которыми показанныя письма найдены и сверхъ того оказавшіяся въ кельѣ у монаха Арсенія, писанныя архангелогородскаго гарнизона отъ капитана Якова Римскаго-Курсакова къ Арсенію, два письма, въ

конхъ хотя важнаго и нѣтъ, но по сумнѣнію написанныхъ въ оныхъ рѣчей взяты и оныя письма, также найденная при томъ осмотрѣ у Арсенія въ кельѣ Іоанна Арндта, печатанная въ Галлі 1735 году, о истинномъ христіанствѣ книга. Монахъ Арсеній и іеромонахи того монастыря Григорій, Игнатій, Іосифъ, игумень и казначей Геннадій и монастырскій служитель Галактіонъ Сухо-руковъ ими, Аничевымъ и Нарышкинымъ, забраны, а 9-го числа сентября объявлены въ губернскую канцелярію; а другія ниже-писанныя лица по показаніямъ въ допросахъ по приличеству для изысканія истины забираны послѣ того, а бывшіе предъ симъ у него, монаха Арсенія, на караулѣ, архангелогородскаго гарнизона подпрапорщикъ Семень Алексѣевской, солдаты: Кустовъ, Черкасовъ, Уховъ и Порохинъ, которые по смѣнѣ были при командѣ, и капитанъ Корсаковъ истребованы и секретно слѣдовано, и по слѣдствію оказалось:

1) Архимандритъ Антоній и подпрапорщикъ Алексѣевской въ первыхъ допросахъ во всемъ показуемомъ на нихъ отъ іеродіакона Лебедева заперлись, но архимандритъ Антоній, по добровольному увѣщеванію присутствующихъ, а подпрапорщикъ Алексѣевской, впросясь въ присутствіе, рассказавшись не только во всемъ вышепоказанномъ въ допросѣ іеродіакона Лебедева и о сверхъ того многихъ произносимыхъ монахомъ Арсеніемъ противныхъ важныхъ словъ въ слышаніи, а нѣкоторыхъ съ нимъ, Арсеніемъ, и въ говореніи признались, и притомъ припомнили, и изъ оныхъ въ слышаніи нѣкоторыхъ и Лебедевъ, признаясь, подтвердилъ; а монахъ Арсеній противъ оныхъ ихъ показаній какъ съ допросовъ, такъ съ очныхъ ставокъ по уликѣ въ нѣкоторыхъ говоренныхъ имъ противныхъ и важныхъ словахъ признался жъ; но въ самыхъ важнѣйшихъ учинилъ заперательство, о чемъ о всемъ въ дѣлѣ и въ учиненныхъ двухъ экстрактахъ именно значить, о конхъ важныхъ и противныхъ словахъ имъ архимандриту Антонію, подпрапорщику Алексѣевскому, іеродіакону Лебедеву и монаху Арсенію допросы и очныя ставки по важности тѣхъ противныхъ словъ и производимы были особливо, изъ которыхъ и экстрактъ подъ литерою Б. учиненъ; на солдатъ же Кустова, Черкасова, Ухова и Порохина іеродіаконъ Лебедевъ первымъ допросомъ, хотя и показывалъ въ слышаніи ими оныхъ говоримыхъ Арсеніемъ противныхъ словъ, но они въ томъ съ

допросовъ и очныхъ ставокъ не винились, которое на нихъ солдать показаніе и онъ, Лебедевъ, на очной ставкѣ отмѣнилъ, а оказались они виновными въ слабомъ и оплошномъ ими, будучи у него монаха Арсенія на караулѣ, поступаніи, въ противность данной имъ инструкціи, а Черкасовъ и въ слышаніи говоренныхъ въ ихъ караулѣ Лебедевымъ, со словъ монаха Арсенія, противныхъ рѣчей, будто-бы ея императорское величество государыня Екатерина Алексѣевна наша неприродная, а Кустовъ въ слышаніи же тѣхъ противныхъ словъ уже отъ него, Черкасова, а нигдѣ въ подлежащемъ мѣстѣ о томъ не доносили.

2) Иеромонахи Григорій, Іосифъ Юрьевъ, въ читаніи въ церкви при проскомидіи даннаго отъ архимандрита письма, въ коемъ выписаны молитвы изъ данной монахомъ Арсеніемъ архимандриту Антонію книжки кievской печати служебника, а Галактіонъ Сухоруковъ—въ знаніи и въ слышаніи того.

Да изъ нихъ Осипъ Юрьевъ, игумень и казначей Геннадій въ слышаніи говоренныхъ архимандритомъ Антоніемъ августа 1-го числа при полученіи о поминовеніяхъ государскихъ фамилій реестра противныхъ словъ, пускай де тѣ въ положенныя по реестру числа поминаютъ, кто больше жалованья беретъ, а мы де будемъ поминать попрежнему помѣсячно и во отправленіи тѣхъ поминовеній, какъ ими, такъ и всѣми іеромонахами, по приказу архимандрита Антонія, и повинѣ помѣсячно, а іеромонахъ Іосифъ Юрьевъ и въ сказываніи монаху Арсенію и іеродіавону Лебедеву про содержащагося въ Холмогорахъ Ивана Антоновича отца и его двухъ сыновей.

Да они же, іеромонахи Григорій, Іосифъ Юрьевъ и въ приѣмъ отъ монаха Арсенія взаимнаго другъ у друга цѣлованіемъ рукъ благословенія, а игумень Геннадій, іеромонахъ Игнатій хотя и покушались у него Арсенія придачѣ антидору изъ учтивости руку цѣловать, но онъ не давалъ.

А болѣе того всѣ они іеромонахи и пономарь Галактіонъ Сухоруковъ по сему дѣлу нынѣ виновными не нашлись, а іеромонахъ Іосифъ Гоголевъ и ни въ чемъ виновнымъ не оказался.

Служитель монастырской Егоръ Сухоруковъ оказался въ писаніи вышеписаннаго изъ служебника молитвами скорописнаго письма, по приказу архимандрита.

А іеромонахъ Теофанъ въ перепискѣ онаго набѣло уста-

вомъ, по его же, архимандрита, приказу, а болѣе ни въ чемъ не оказались.

Бывшій же въ томъ монастырѣ дьячекъ Петръ Каратаевъ взятъ былъ и допрашиванъ, по показанію іеромонаха Іосифа Юрьева и пономаря Галактіона Сухорукова, яко-бы въ перепискѣ имъ, Каратаевымъ, того письма набѣло, но онъ, Каратаевъ, въ томъ, такъ и ни въ чемъ, по дѣлу приличнымъ и виновнымъ не нашелся, а писалъ то письмо означенный іеромонахъ Теофанъ.

Монахъ же Филаретъ Батоговъ въ доносѣ своемъ на іеродіакона Лебедева нашелся правымъ и по дѣлу ничего до него, Батогова, въ винѣ его не вознулось.

3) Архангелогородскаго Троицкаго собора протопопъ Иванъ Федоровъ, на коего монахъ Арсеній допросомъ хотя и показывалъ, яко-бы таковыя слова, что у приставленныхъ у Ивана Антоновича караульныхъ офицеровъ инструкція была и они тѣмъ оправданы, слышалъ онъ, Арсеній, отъ него, протопопа Федорова, но онъ, Федоровъ, въ говореніи тѣхъ словъ въ допросѣ не винился, въ чемъ и на очной съ нимъ, Арсеніемъ, ставкѣ утвердился, а онъ, Арсеній, на оной показавъ, точно-ли онъ, Федоровъ, или кто другой тѣ рѣчи ему связывалъ, того не упомянуть, а болѣе онъ, Федоровъ, ни въ чемъ по сему дѣлу не приличился, въ тотъ же монастырь онъ посыланъ былъ Архангелогородскимъ преосвященнымъ, епископомъ Іоасафомъ, для развѣдыванія о немъ, монахѣ Арсеніи.

4) Капитанъ Корсаковъ о вышепоказанныхъ, писанныхъ имъ къ монаху Арсенію партикулярныхъ письмахъ показалъ, что писалъ оныя единственно изъ учтивости, только за его ласковой приѣмъ и угощеніе, болѣе-жъ того онъ Корсаковъ ни въ чемъ приличнымъ не нашелся.

Упомянутой же, въ допросѣ подпрапорщика Алексѣевского, городской лекаръ Коневской, прошедшаго іюля 22-го дня, уѣхалъ при губернаторѣ Головцынѣ въ Москву, который и нынѣ при немъ находится.

Архангелогородская губернская канцелярія, составивъ, по произведенному слѣдствію, [по оному дѣлу, два экстракта подъ лит. А и Б, въ коемъ противъ перваго большая важность въ разсужденіи прописанныхъ въ нихъ важнѣйшихъ противныхъ словъ, при всеподданнѣйшемъ репортѣ, представила императрицѣ

на всевысочайшее разсмотрѣніе и при нихъ приложены при первомъ:

- 1) Бѣлой допросъ іеродіакона Лебедева.
- 2) Записка, учиненная архимандритомъ Антоніемъ, объявленію монаха Батогова на іеродіакона Лебедева.
- 3) Два письма, писанныя отъ капитана Корсакова къ монаху Арсенію.

4) Найденная у монаха Арсенія въ кельѣ о истинномъ христіанствѣ Іоанна Арнда книга ¹⁾ и книжка же, отобранная у него, Арсенія, кievской печати служебнивь, изъ котораго показанныя молитвы выписаны.

При второмъ экстрактѣ архимандрита Антонія, монаха Арсенія, подпрапорщика Алексѣевского, іеродіакона Лебедева, іеромонаха Іосифа Юрьева, протопопа Ивана Ѳедорова подлинныя за ихъ руками допросы и очныя ставки.

А далѣе по сему дѣлу, какъ оно въ великой важности состоитъ, къ слѣдствію губернская канцелярія не имѣетъ смѣлости приступить безъ высочайшаго его императорскаго величества повелѣнія.

А что по оному, съ вышепоказанными содержащимися преступниками, также и неоказавшимися въ важномъ преступленіи людьми, повелѣно будетъ чинить, о томъ архангелогородская губернская канцелярія всеподданнѣйше проситъ всемилостивѣйшаго указа.

До полученія же онаго, тѣ преступники содержаны быть имѣють за крѣпчайшимъ карауломъ.

Губернская канцелярія далѣе осмѣливается всеподданнѣйше доносить, что губернаторскіе товарищи и прокуроръ, по рабской своей должности и присягѣ, во изысканіи, по сему секретнѣйшему дѣлу, истины и въ скоромъ и порядочномъ онаго производствѣ и окончаніи, столько отъ всего своего рабскаго усердія, денно и ночью старались, сколько ихъ силъ и разуму доставало; но и затѣмъ, скорѣе сего времени, по немалости сего дѣла къ концу привести и ея императорскому величеству всеподданнѣйше представить были не въ силахъ; потому что производство его не

¹⁾ Книги объ истинномъ христіанствѣ въ дѣлѣ не оказалось; вѣроятно, она осталась у князя Вяземскаго, она могла служить укоромъ противъ тѣхъ, которые распространяли слухъ о мнимой святости Арсенія. И. М.

только начерно, но и переписка набѣло чинены были губерна-торскими товарищами и прокуроромъ и однимъ, находящимся при секретныхъ дѣлахъ, секретаремъ, а особливо второй, подъ литерою Б экстрактъ и прописанные въ ономъ допросы и очны ставки какъ начерно, такъ и набѣло, по важности показанныхъ въ оныхъ противныхъ словъ, всѣ писаны рукою прокурора Нарышкина; почему и ускорить было невозможно; находящійся же при секретныхъ дѣлахъ канцеляристъ допущенъ только къ перепискѣ набѣло перваго подъ литерою А экстракта, и то по такой необходимости, дабы тѣмъ поспѣшить оныя экстракты ея императорскому величеству всеподданнѣйше представить.

Если-же въ письмѣ тѣхъ допросовъ и экстрактовъ, или во всемъ производствѣ при высочайшемъ его императорскаго величества разсмотрѣніи, усмотрѣть соизволите каковыя ошибки и несправности, въ томъ архангелогородская губернская канцелярія просить милосердаго прощенія.

Не овазавшіеся по сему дѣлу виновными, іеромонахи Игна-тій, Іосифъ Гоголевъ, дьячекъ Каратаевъ, освобождены, съ обязаніемъ о содержаніи того, о чемъ они спрашиваны, въ секретѣ и протопопъ Иванъ Федоровъ, который по допросѣ и по его невинности и подъ карауломъ не держанъ, а о содержаніи того, въ чемъ онъ спрашиванъ, въ глубочайшемъ секретѣ и наискрѣпчайшею подпискою обязанъ, и всѣ они, до восполнѣдованія резолюціи, и безъ вѣдома губернской канцеляріи никуда въ дальнія мѣста не были бы отлучаемы. Также и капитанъ Корсаковъ, который нынѣ въ важномъ ни въ чемъ не нашелся, со взятіемъ съ него о содержаніи спрашиваемаго у него въ секретѣ такой же подписки и съ такимъ же требованіемъ, чтобъ впредъ до резолюціи никуда отлучаемъ не былъ, отосланъ къ командѣ.

А что производители сего важнѣйшаго секретнаго дѣла, присутствующіе въ губернской канцеляріи и прокуроръ, также секретарь и канцеляристъ все то, о чемъ они по этому дѣлу извѣстны, содержать будутъ во всю свою жизнь въ глубочайшемъ секретѣ, о томъ обязаны наискрѣпчайшею подпискою, которую у сего ея императорскому величеству губернская канцелярія всеподданнѣйше представляеть.

Этотъ рапортъ архангелогородской губернской канцеляріи императрицѣ, со всѣми означенными выше приложеніями, чрезъ

посредство генерала прокурора князя Александра Алексѣевича Вяземскаго, отправленъ былъ изъ города Архангельска, 23-го сентября 1767 года.

Такъ началось второе слѣдственное дѣло надъ Арсеніемъ въ 1767 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Что же мы читаемъ въ статьѣ И. А. Чистовича (см. „День“ 1862, № 15), о началѣ этого слѣдственнаго дѣла? „Въ числѣ лицъ, собиравшихся на монастырскія конференціи Арсенія, былъ одинъ іеродіаконъ (онъ приставленъ былъ архимандритомъ служить Арсенію и въ услуженіи у него, какъ онъ самъ показываетъ, уже семь мѣсяцевъ), по имени Іоасафъ Лебедевъ. Онъ все слышалъ и подслушиваемыми секретами, повидимому, держалъ на привязи архимандрита и прочее монастырское начальство, а между тѣмъ былъ болтливъ и кляузникъ и какъ-то проболтался (изъ всеподданнѣйшаго репорта видно когда и гдѣ онъ проболтался) монаху Филарету Батогову. Тотъ пришелъ сперва къ архимандриту Антонію и объявилъ ему, что вотъ де Лебедевъ хвалился, что знаетъ секреты по первымъ двумъ пунктамъ. Архимандритъ билъ его раза три ропомъ и велѣлъ заковать въ желѣза. Но когда его выпустили, онъ подалъ на высочайшее имя доношеніе въ архангелогородскую канцелярію (7-го сентября 1767 г.).

Послѣднее сказаніе невѣрно; подалъ доношеніе монахъ Батоговъ, и по его доношенію, былъ сысканъ въ городѣ Архангельскѣ въ тотъ же день іеродіаконъ Лебедевъ и секретно допрашиванъ.

II.

Въ бѣловомъ допросѣ іеродіакона Лебедева, когда онъ въ присутствіи въ архангелогородской губернской канцеляріи, 1767 г. сентября 7 дня, пополудни въ восемь часовъ, секретно былъ допрашиванъ, помѣщенъ 1-й пунктъ, о коемъ не упомянуто во всеподданнѣйшемъ репортѣ отъ 23-го сентября 1767 года императрицѣ. Мы приводимъ его сполна, такъ какъ этотъ пунктъ выясняетъ намъ начало слѣдственнаго дѣла и подтверждаетъ записку архимандрита Антонія объявленію монаха Батогова на іеродіакона Лебедева.

„Назадъ тому съ мѣсяцъ, а котораго точно мѣсяца и числа, того не упомнить, будучи онъ пьяный въ домѣ крестьянина Ивана Тимофеева, говорилъ, что знаетъ секретъ по первому и второму пунктамъ на архимандрита Антонія и на другаго монаха, который въ ссылкѣ, Арсенія, а еще жъ къ тому говорилъ онъ, Іоасафъ, что можемъ вынетъ у нихъ сердца и представить въ милостивой государынѣ, суди она его съ ними; причеиъ были служители монастырскіе: Руткинъ (или Румчинъ), Григорій Амосовъ, отставной матросъ означеннаго Тимофеева сынъ Григорій, кои тѣ его слова всѣ слышали, а кто еще былъ, того за пьянствомъ не упомнить; и означенныя его, Іоасафа, рѣчи онъ, Батоговъ, пересказывалъ архимандриту Антонію, за что онъ его, Іоасафа, билъ, и подержавъ немного въ цѣпи, выпустилъ, говоря притомъ: по кельямъ не ходи, ни съ кѣмъ ничего не говори, Арсеній-де на меня сердится“.

Такимъ образомъ оказывается, что іеродіаконъ Іоасафъ Лебедевъ не только былъ болтливъ и клеузнникъ, но и пьяница, какъ онъ самъ о себѣ заявляетъ, въ бѣломъ своемъ допросѣ, что онъ пьяной объявилъ и секретъ по первому и второму пунктамъ на архимандрита Антонія и на монаха Арсенія; по справкѣ же, изъ архангелогородской духовной консисторіи, о вышеозначенномъ іеродіаконѣ Лебедевѣ, въ секретномъ экстрактѣ, представленномъ князю Вяземскому, мы читаемъ о немъ слѣдующее:

Іеромонахъ Григорій и іеродіаконъ Лебедевъ, по производившемуся въ консисторіи въ прошломъ 1763 году надъ бывшимъ Пертоминской пустыни игуменомъ Петромъ въ непопорядочныхъ его и противныхъ званію своему поступкахъ дѣлу, за ложное въ первыхъ ихъ, Григорія и Лебедева, допросахъ показаніе и тѣмъ помянутаго бывшаго игумена худыхъ его поступковъ прикрывательство, находились чрезъ годъ безъ священнослуженія. Да сверхъ того помянутой же іеродіаконъ Лебедевъ оказался въ отдачѣ, безъ согласія братскаго, самимъ собою, въ бытность въ Пертоминской пустынѣ строителемъ въ прошломъ 1761 году, яко-бы въ закладъ Двинскаго уѣзда Черносошному крестьянину, церковныхъ казенныхъ образовъ, за кои взялъ десять рублей; по этой справкѣ архангельской духовной консисторіи, іеродіаконъ Лебедевъ выставляется ложнымъ показателемъ, которому можно было и не вѣрить и въ послѣднемъ его пока-

заніи, тѣмъ болѣе, что все это имъ говорилось въ пьяномъ видѣ, а что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ и часто у пьянаго что языкъ мелеть, голова не вѣдаетъ. Вторая же справка о немъ свидѣтельствуеть о его нечестности. Слѣдовательно и Лебедевъ оказывается по справкѣ не только болтуномъ, вляузникомъ и пьяницею, но и ложнымъ донощикомъ и безчестнымъ человекомъ.

Каковъ же былъ по справкѣ другой доноситель, монахъ Филаретъ Батоговъ? По справкѣ той же духовной консисторіи о немъ, въ секретномъ экстрактѣ, передается слѣдующее: монахъ Филаретъ Батоговъ, въ прошломъ 1765 году, за поколотіе Донскаго войска казака въ квартирѣ его въ двухъ мѣстахъ ножемъ наказанъ плетми, и сверхъ того велѣно ему, во первыхъ, положить триста поклоновъ, потомъ, чрезъ шесть недѣль, власть на всякой день по сту поклоновъ, да въ томъ же 1765 году за пьянства и неприниманія о добропорядочномъ житіи настоятельскаго увѣщанія наказанъ же плетми. Оказывается, что и второй доносиель не лучше, по справкѣ, перваго; послѣдній оказывается уже записнымъ пьяницею и даже за пьянство наказываемъ былъ и плетми.

При этомъ слѣдуетъ упомянуть еще и о томъ, что Лебедевъ, противъ показанія въ допросахъ подпрапорщика Алексѣевского и солдатъ Кустова и Черкасова, о томъ, что онъ, Лебедевъ, говорилъ, что его высочество государь цесаревичъ Павелъ Петровичъ боленъ золотухою (слышавъ о томъ отъ монаха Арсенія), и что такую болѣзнь онъ, Лебедевъ, лечитъ искусенъ и его, Лебедева, для леченія его высочества возьмутъ въ Санктпетербургъ во дворецъ, противъ подобнаго ихъ показанія, въ пополнительномъ допросѣ отвѣчалъ, что онъ, Лебедевъ, объ этомъ неоднократно говаривалъ съ пьянства, въ чемъ и повинную приносить, а лечитъ такой болѣзни не умѣетъ (новое признаніе самого Лебедева въ пьянствѣ, въ которомъ состояніи, по его собственному признанію, онъ, Лебедевъ, могъ нести и говорить чушь).

И самъ монахъ Арсеній, въ бѣломъ своемъ допросѣ, въ пунктѣ шестомъ, объявляетъ, что архимандритъ Антоній и вся братія Николаевскаго монастыря пьяницы и доносъ на него, Арсенія, для того дѣлають, чтобъ его выжить изъ монастыря, а имъ свободнѣе пить.

Допросы и очныя ставки, по обстоятельному экстракту, учиненному 1767 году, сентября 23 дня, въ архангелогородской губернской канцеляріи, по начавшемуся Никлаевскаго Корельскаго монастыря, съ доносу монаха Батогова, слѣдствію, начались 11 сентября 1767 году, пополудни въ шесть часовъ. Первый далъ показаніе архимандритъ Антоній, по довольноному увѣщеванію, о показаніи истины, со стороны присутствующихъ.

Архимандритъ Антоній показалъ: 1) что онъ, монахъ Арсеній, говаривалъ многократно, что ея императорское величество Екатерина Алексѣевна наша неприродная и что ея величество нетверда въ законѣ нашемъ, и не надлежало ей російскаго престола принять, а слѣдовало Ивану Антоновичу; а лучше было бы, кабы ея величество за него, Ивана Антоновича, вступила въ супружество, то-бы уже и престолъ ей слѣдовалъ, а ея величество съ нимъ, Иваномъ Антоновичемъ, не въ ближнемъ родствѣ, въ шестомъ колѣнѣ, и для такихъ бы персонъ святѣйшій синодъ дозволить могъ; а чтобъ престолъ слѣдовалъ Ивану Антоновича отцу, того онъ отъ Арсенія не слыжалъ. Письмо жъ о гонящихъ церковь, точно изъ его Арсенія кievской печати служебника, по его приказанію, выписано и поминовеніе, вынимая часть, дѣлывали, но полагаетъ ли монахъ въ то число ея императорское величество, того онъ отъ него не слыжалъ.

11 ч. сентября, пополудни въ восемь часовъ, монахъ Арсеній, въ присутствіи архангелогородской губернской канцеляріи, секретно допрашиванъ и показалъ противъ архимандрита Антонія:

Онъ, Арсеній, архимандриту Антонію, что ея императорское величество Екатерина Алексѣевна наша неприродная, никогда не говаривалъ, также и что ея величество въ законѣ (нашемъ, прибавлено въ бѣломъ допросѣ, писанномъ вонечно не Арсеніемъ, но къ второму его заставили подписаться) нетверда, не сказывалъ; а говорилъ много разъ, только ему-ль, архимандриту, или кому другому, того не упомнить, что слыжалъ отъ покойнаго преосвященнаго псковскаго Симона о бывшемъ императорѣ Петрѣ Теодоровичѣ, что онъ не твердъ, а про ея императорское величество Екатерину Алексѣевну свидѣтельствовалъ Симонъ, что тверда въ законѣ. А что ея величеству російскаго престола принять не подлежало и престолъ слѣдовалъ Ивану Антоновичу, не только ему, архимандриту, но и никому никогда не говари-

валь, и лучше бѣ было, кабы ея величество въ супружество съ Иваномъ Антоновичемъ вступила, то бѣ уже и престоль ей слѣдовалъ, не говаривалъ же; а что ея величество въ шестомъ колѣнѣ Ивану Антоновичу, то онъ Арсеній между разговорами, съ нимъ ли, архимандритомъ, или съ другимъ съ вѣмъ, не помнитъ, говорилъ: потому что бывший императоръ, Петръ Теодоровичъ, былъ въ шестомъ колѣнѣ Ивану Антоновичу, и для того слѣдуетъ и ея величеству въ томъ же колѣнѣ считаться ради супружества. А чтобъ святѣйшій синодъ дозволить могъ ея величеству вступить съ Иваномъ Антоновичемъ въ супружество, не говаривалъ, а говорилъ, между разговорами, а кому—не упомнить, что ея величество съ бывшимъ императоромъ Петромъ Теодоровичемъ, по родству, въ шестомъ колѣнѣ и святѣйшимъ синодомъ бракъ имъ разрѣшенъ; о гонящихъ же церковь, давъ онъ, Арсеній, ему, архимандриту, служебникъ Кіевской, совѣтывалъ, чтобъ молитвы читали, вынимая на проскомидіи часть, а какія онъ выписалъ и читалъ, того онъ не знаетъ.

Согласно съ допросомъ архимандрита Антонія показали того жъ числа и іеродіаконъ Лебедевъ и 12 сентября, вприсясь въ присутствіе, и подпрапорщикъ Семенъ Алексѣевской, послѣдній съ нѣкоторыми прибавленіями.

По прочтеніи перваго пункта допроса Арсенія, нельзя не указать на неточности и неправильности въ рассказѣ И. А. Чистовича, по этому дѣлу; г. Чистовичъ утверждаетъ (см. „День“, 1862 г., № 15), что на допросахъ и очныхъ ставкахъ Арсеній сознался во всемъ, что на него показывали; приведенный нами первый пунктъ служитъ прямымъ опроверженіемъ словъ г. Чистовича.

Архимандритъ Антоній во второмъ пунктѣ показаль, что онъ, Арсеній, говорилъ, что его императорское высочество точно боленъ и въ немъ по болѣзни надежды нѣтъ.

На этотъ 2-й пунктъ, Арсеній показаль: соболѣзнуя о его высочествѣ, онъ говорилъ ему, архимандриту, что боленъ и въ немъ по болѣзни надежды нѣтъ; потому что, будучи архіереемъ, онъ слышалъ отъ многихъ, а отъ кого точно не упомнить, сказываютъ де лекари, что болѣзнь неизлечимая.

Въ третьемъ пунктѣ Антоній показаль, что ему, архимандриту, онъ, Арсеній, говорилъ, какъ о смерти Ивана Антоновича

манифестъ полученъ, что де у приставленныхъ къ нему Ивану Антоновичу офицеровъ инструкція дана была отъ покойной государыни Елисаветы Петровны, въ коей велѣно было, что есть ли паче чаянія кто для взятія Ивана Антоновича будетъ преступать, то живого не отдавая умертвить, о которой де инструкціи государыня Елисавета Петровна конечно забыла, а то бы, при кончинѣ, отобрала; за тѣмъ, что не любила и не хотѣла, чтобъ бывший императоръ Петръ Феодоровичъ послѣ ея принялъ престолъ, и для того Ивана Антоновича поближе къ Санктпетербургу и привезла, чтобъ, послѣ ея кончины, онъ престолъ принялъ. Еще жъ ему онъ, Арсеній, сказывалъ, когда бывший подпоручикъ Мировичъ въ Шлюсенбургъ приступъ къ Ивану Антоновичу дѣлалъ и нельзя, чтобъ онъ одинъ, будучи такимъ малиньнымъ чиномъ вздумалъ, а конечно де много и большихъ господъ согласниковъ ему было, то въ такомъ случаѣ надлежало его, Мировича, пытать кнудомъ, то бы истинную правду узнали, да и бывшихъ на краулѣ у него, Ивана Антоновича, офицеровъ, которые его убили, надлежало казнить смертію, за пролітіе царской крови.

На третій пунктъ Арсеній показалъ: когда архимандритъ манифестъ о смерти Ивана Антоновича ему далъ и онъ читалъ, то, что онъ — второй Авель и кровь его, аки Авелева, вошеть до Бога,—онъ, Арсеній, не говаривалъ; а говорилъ, что онъ повинно смерть получилъ, и, слышавъ онъ, Арсеній, отъ соборнаго протокона Іоанна Феодорова, который, пріѣзжая въ Никольскій монастырь, у него, Арсенія, былъ, съ коимъ разсуждая онъ, Арсеній, говорилъ объ Иванѣ Антоновичѣ: какъ приставленные офицеры посмѣли дерзновение взять и царскую кровь пролить? на что онъ, Федоровъ, ему отвѣчалъ: у нихъ де инструкція была и тѣмъ оправились; съ коихъ словъ онъ, Арсеній, говорилъ архимандриту Антонію, разсуждая, что инструкція дана была (вѣрно приписано на полѣ рукою самого Арсенія на бѣломъ допросѣ) можетъ отъ покойной государыни, Елисаветы Петровны, коя въ забвеніи осталась, по мнѣнію его и, можетъ быть, въ инструкціи написано было, чтобъ Ивана Антоновича, ежели кто преступать будетъ, умертвить, не отдавая живого; а какъ онъ былъ еще архіереемъ, то слышалъ, а отъ кого, не упомнить, что покойная государыня, Елисавета Петровна, бывшему императору, Петру

Федоровичу, говорила, что ежели онъ не воздержится отъ непристойностей, то она престолъ свой оставитъ Ивану Антоновичу и его сдѣлаетъ наследникомъ, и для того де онъ и къ Санктпетербургу ближе привезенъ былъ, а точно-ль для принятія престола, или для страху бывшему императору, того онъ не знаетъ; съ конхъ рѣчей онъ и архимандриту сазывалъ, а можетъ быть и другимъ кому говаривалъ, только точно не упомянуть (въ бѣломъ допросѣ прибавлено: показать). Еще онъ, Арсеній, ему, архимандриту, говорилъ, что Мировичъ не одинъ думалъ дѣлать бунтъ, но, конечно, были съ нимъ и другіе согласники, для того, что такому маленькому человѣку нельзя одному за такое дѣло приняться, есть-ли-бъ не было какой надежды, а чтобъ надлежало его, Мировича, пытать и большіе господа съ нимъ были въ согласіи, также и офицеровъ, которые Ивана Антоновича убили, надлежало казнить смертію за пролітіе царской крови, того онъ не говаривалъ.

Противъ показанія Арсенія въ третьемъ пунктѣ, такъ какъ Арсеній говорилъ, что слышалъ объ этомъ отъ соборнаго протопопа Ивана Федорова, послѣдній былъ допрашиванъ и показалъ, что его, протопопа Федорова, посылалъ преосвященный Иоасафъ, архангелогородской и холмогорской (за своею болѣзнію) въ Николаевской ворельской монастырь, для надсматриванія надъ монахомъ Арсеніемъ раза два, или три, а конхъ мѣсяцевъ и чиселъ онъ, Федоровъ, не упомянуть, и въ ту его бытность у Арсенія онъ, Федоровъ, съ нимъ, Арсеніемъ, ни въ какое разсужденіе не входилъ и такихъ рѣчей отъ него, Арсенія, объ Иванѣ Антоновичѣ, какъ приставленные офицеры посмѣли дерзновеніе взять и царскую кровь пролить, онъ, Федоровъ, не слышалъ, и ему, Арсенію, у нихъ де была инструкція и тѣмъ оправились, не говаривалъ, да и знать ему оной инструкціи не по чемъ, а есть-ли-бъ онъ, Федоровъ, что непринадлежащее отъ Арсенія слышалъ, то-бъ, конечно, по должности своей, не оставилъ бы тотчасъ его преосвященства Иоасафа епископа репортовать.

А на очной ставкѣ съ нимъ, Арсеніемъ, показали: протопошъ Федоровъ утверждаетъ на первомъ своемъ допросѣ, а монашъ Арсеній, точно ли онъ, Федоровъ, или другой сазывалъ означенныя рѣчи, того онъ не упомянуть. Справкою же по запросу прокурора Нарышкина отъ 19 сентября 1767 года отъ реченнаго

Іоасафа епископа, показано, что онъ, протопопъ, въ тотъ монастырь посланъ былъ точно отъ него.

Значить по третьему пункту монахъ Арсеній не во всемъ винился.

Въ четвертомъ пунктѣ архимандритъ Антоній допросомъ показалъ: сего (1767 г.) года, февраля 4-го дня, онъ, Арсеній, читавъ житіе Кирила новозерскаго, толковалъ ему, архимандриту, іеродіакону Лебедеву и подпрапорщнику Алексѣевскому, а въ солдатъ при томъ были-ль кто, не упомянуть, вотъ де въ житіи Кирила новозерскаго написано, что будутъ въ Россіи два царствовать юноши, и такъ де будетъ въ Россіи благополучіе и турка выгонять вонъ и возьмутъ Грецію подъ свою власть и нѣтъ де то время приходитъ, и будутъ де царствовать двое: первой, его императорское высочество, государь цесаревичъ, Павелъ Петровичъ, а другой—покойнаго Ивана Антоновича братъ, Петръ Антоновичъ, который въ Холмогорахъ содержится по секрету, и ему де есть уже лѣтъ пятнадцать, о коемъ ему, Арсенію, что онъ въ Холмогорахъ, сказывалъ іеромонахъ, которой при секретной въ Холмогорахъ комисіи служилъ, а какъ того іеромонаха зовутъ, того онъ, Арсеній, ему, архимандриту, не сказывалъ, и онъ его не спрашивалъ.

Арсеній на 4-й пунктъ показалъ, что іеродіаконъ Лебедевъ сказывалъ ему, Арсенію, что слышалъ отъ іеромонаха Никольскаго Корельскаго монастыря Григорія или Іосифа, точно не упомянуть, только отъ того изъ нихъ, который былъ въ Холмогорахъ, что есть де еще Ивана Антоновича два брата и содержатся въ Холмогорахъ, называя ихъ именами, а какъ, того не упомянуть; то, читая онъ, Арсеній, житіе Кирила новозерскаго, толковалъ ему-ль, архимандриту, іеродіакону-ль Лебедеву, подпрапорщнику-ль Алексѣевскому, или другому кому, не упомянуть, что вотъ де, можетъ быть, то время приходитъ, что исполнится Кирила новозерскаго пророчество и будутъ царствовать двое юношъ, умиленныхъ, воишъ онъ, Арсеній, полагаетъ перваго его высочества государя цесаревича Павла Петровича, а другаго въ братьевъ Ивана Антоновича, не называя именемъ, а что оные содержатся въ Холмогорахъ, то онъ, Арсеній, архимандриту сказывалъ, что слышалъ іеродіаконъ Лебедевъ отъ іеромонаха, который въ секретной комисіи въ Холмогорахъ служилъ и архи-

мандритъ его назвалъ именемъ, а Григоріемъ или Іосифомъ не помнитъ.

Противъ сего Арсеньева четвертаго пункта іеродіаконъ Лебедевъ показалъ. Слыхалъ онъ Арсенія разговаривающаго съ подпрапорщикомъ Алексѣевскимъ многократно, что въ Холмогорахъ есть еще два брата Ивана Антоновича, Петръ да Павелъ, а какъ іеромонахъ Іосифъ, ѣздя въ Холмогоры, возвратился, то онъ, Лебедевъ, спрашивалъ у него, не слыхалъ-ли онъ, что есть-ли у Антона еще два сына, Петръ да Павелъ, на что Іосифъ ему, Лебедеву, отвѣчалъ, а де слышалъ, что есть и нѣмой, а отъ кого онъ слышалъ, того не сказалъ, и онъ, Лебедевъ, у него не спрашивалъ и потомъ съ оныхъ словъ, когда монахъ Арсеній опять съ Алексѣевскимъ объ нихъ же разговаривали, то онъ, Лебедевъ, имъ сказывалъ, что и я де слышалъ отъ іеромонаха Юрьева объ ономъ, что есть еще два сына, на что Арсеній и отвѣчалъ ему, Лебедеву, тѣ-та де его два юноши, о коихъ я толковалъ, читая житіе Кирила новозерскаго, что и Алексѣевской слышалъ.

Противъ іеродіакона Лебедева подпрапорщикъ Алексѣевской показалъ. Онъ, Алексѣевской, живя въ Холмогорахъ, еще съ ребячества, слыхалъ секретной команды отъ солдатъ, а какъ ихъ имена, также и отъ школьниковъ, коихъ имена не упомянуть, что есть еще у Антона въ Холмогорахъ дѣти, а сколько и какъ ихъ имена, не знаетъ; посему онъ, Алексѣевской, между разговорами Арсенію сказывалъ и онъ, Арсеній, отвѣчалъ и я де слышалъ, два сына есть, называя ихъ именами, о коихъ онъ, Алексѣевской, запомнилъ, и слыхалъ де онъ, Арсеній, отъ іеромонаха Іосифа Юрьева, а что-бъ Лебедевъ объ ономъ когда говорилъ, того онъ, Алексѣевской, не слыхалъ и, что Арсеній, слышавъ объ ономъ отъ Лебедева, говорилъ-ли что, того онъ не знаетъ.

Противъ Лебедева допроса, по четвертому пункту, іеромонахъ Іосифъ Юрьевъ показалъ, что онъ, Іосифъ, Лебедеву, какъ пріѣхалъ изъ Холмогоръ въ прошломъ 764 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, сказывалъ, на спросъ его, что въ Холмогорахъ у Антона есть два сына, Иванъ да Петръ, что онъ, Іосифъ, слыхалъ на базарѣ въ Холмогорахъ отъ солдатъ, а какъ ихъ зовутъ, не знаетъ, также зимою, а которой, точно не упомянуть, тоже самое сказывалъ монаху Арсенію, а болѣе объ ономъ ни-

кому не сказывалъ и ни съ кѣмъ разговоровъ не имѣлъ. А на очной ставкѣ іеромонахъ Юрьевъ съ Арсеніемъ показалъ. Юрьевъ утверждаетъ прежнее свое показаніе, а монахъ Арсеній, сказывалъ-ли ему Іосифъ Юрьевъ, того онъ Арсеній не упомянуть.

Архимандритъ Антоній въ пятомъ пунктѣ показалъ на монаха Арсенія слѣдующее. Святѣйшій правительствующій синодъ, говоря, что оной его неправильно осудилъ, бранить.

Монахъ Арсеній, на 5-й пунктъ, отвѣчалъ, что святѣйшій синодъ онъ, Арсеній, не бранить и не бранивалъ, а говорилъ, что онъ, будучи архіереемъ, писалъ въ синодъ, такъ какъ на страшный судъ ему, Арсенію, встать и что синодъ и какъ писанное имъ растолковалъ, за то будетъ съ нимъ, Арсеніемъ, судиться на страшномъ судѣ.

И въ семь своемъ допросѣ онъ, Арсеній, показалъ самую истинную правду, ничего не утаилъ, а есть-ли мало что утаилъ, или кѣмъ въ чемъ изобличенъ будетъ, то подвергаетъ себя смертной казни, а притомъ объявляетъ, что архимандритъ Антоній и вся братія Николаевскаго корельскаго монастыря пьяницы и донось на него, Арсенія, для того дѣлають, чтобъ его выжить изъ монастыря, а имъ свободнѣе пить.

Въ пополненіе онъ, Арсеній, допрашиванъ (въ бѣломъ допросѣ спрашиванъ) и показалъ, что ея императорское величество въ число гонящихся церковь не полагаетъ.

Изъ показанія Антонія видно, что Арсеній разумѣлъ сначала подъ гонящими церковь раскольниковъ; вотъ его слова въ секретномъ экстрактѣ: когда де, о запискѣ желающимъ въ расколъ, состоялся указъ, тогда оной монахъ Арсеній говорилъ ему, архимандриту, надлежитъ де особливныя молитвы и эктеніи читать и на проскомидіи часть вынимать, ибо де раскольники въ церковь не ходять и на нее плюють.

С. М. Соловьевъ (см. газету „День“, 1862 г., № 16) въ статьѣ: Нѣсколько дополнительныхъ словъ объ Арсеніи Мацѣвичѣ, по поводу статьи И. А. Чистовича, приводитъ то же показаніе архимандрита Антонія: когда о запискѣ желающимъ въ расколъ состоялся указъ, то Арсеній говорилъ (замѣчаетъ С. М. Соловьевъ, читаемъ въ дѣлѣ): надлежитъ молитву читать, ибо де раскольники въ церковь не ходять и на нее плюють и велѣтъ

архимандриту читать особую молитву, выписавъ изъ служебника о гонящихъ церковь.

При подписаніи бѣлаго допроса, монахъ Арсеній объявилъ, хотя онъ въ допросѣ своемъ и показалъ, что бывший императоръ Петръ Θεодоровичъ, а по супружеству и государыня Екатерина Алексѣевна Ивану Антоновичу въ шестомъ колѣнѣ, но то показалъ ошибкою, а въ шестомъ колѣнѣ матери его Ивана Антоновича, и потому онъ, Арсеній, ея величество причитаетъ въ колѣну Петра Великаго, то чтобъ онъ ея величество почиталъ за природную не можетъ и статья.

Подпрапорщикъ Алексѣевской, сверхъ показанія архимандрита Антонія, приполнилъ, въ 1-мъ пунктѣ. Монахъ Арсеній съ архимандритомъ многократно разговаривалъ о царскихъ поколѣніяхъ: во Франціи де такъ царскую фамилію, слѣдующую къ принятію по наслѣдству престола, берегутъ, что когда оставшая отъ короля королева беременна была въ болѣзни, опасной къ смерти, то младенца вырѣзали и въ свиньихъ тушахъ до настоящаго времени выдержали и возростили, а у насъ де въ Россіи непостоянны и не берегутъ настоящихъ наслѣдниковъ, говоря притомъ, еще отъ времени царя Ивана Васильевича про всѣхъ послѣдующихъ монарховъ, когда де второй императоръ скончался, то де сожалѣнія достойно, что настоящее наслѣдство кончилось; а государыня Анна Іоанновна вступила на престолъ не по порядку а потомъ де государыня Елисавета Петровна настоящая наслѣдница была, а бывший императоръ, Петръ Θεодоровичъ, не настоящій наслѣдникъ, а такъ какъ иностраннаго закону, что и по дѣламъ его оказалось.

Во второмъ пунктѣ, Алексѣевской прибавилъ, что онъ, Арсеній, говаривалъ, что его высочество государь цесаревичъ Павелъ Петровичъ боленъ и къ наслѣдію въ немъ надежды нѣтъ, и ежели де нынѣшняя государыня Екатерина Алексѣевна скончается, то уже иному и некому быть, какъ Ивана Антоновича отцу, что слышали архимандритъ и онъ, Алексѣевской.

Въ пятомъ пунктѣ онъ же приполнилъ, что Арсеній говорилъ, что митрополитъ де Сѣменовъ до тѣхъ поръ поживетъ, пока оберъ-секретарь Остолоповъ живетъ, а безъ него ничего сдѣлать не можетъ, а Гавриилъ де с.-петербургскій ничего противъ Сѣменова говорить и дѣлать безъ него не смѣетъ.

Противъ Алексѣевского пополненія, монахъ Арсеній допрашиванъ и показалъ: онъ, Арсеній, съ архимандритомъ Антоніемъ многократно разговаривалъ о царскихъ поколѣніяхъ и читывалъ латинскую о цесаряхъ исторію, въ коей пишетъ объ одномъ цесарѣ, а какъ имя не помнитъ, что онъ вынуть былъ изъ брюха у матери и въ свиньихъ тушахъ до настоящаго времени выдержанъ, а не о французской фамилии сказывалъ. А что въ Россіи не берегутъ наслѣдниковъ и настоящее наслѣдство, по кончинѣ Петра Второго, кончилось, того онъ не говаривалъ, а говорилъ, что по кончинѣ Петра Второго, души такой не было, чтобъ не плакалъ и что мужескаго полу послѣ его не осталось наслѣдника и онъ небреженіемъ князей Долгоруковыхъ скончался. А что государыня Анна Иоанновна не по порядку престоль приняла, не говаривалъ, а только говорилъ, что государыня Елисавета Петровна настоящая наслѣдница, а чтобъ бывший императоръ Петръ Θεодоровичъ не настоящій наслѣдникъ, а такъ какъ иностраннаго закону, что и по дѣламъ его оказалось, того онъ Арсеній не говаривалъ.

На второй пунктъ Арсеній показалъ, что онъ, Арсеній, архимандриту въ разсужденіи говорилъ, что его высочество боленъ и сохрани Боже, если скончается, то не за кого больше приниматься какъ Ивана Антоновича за братьевъ, коихъ онъ, Арсеній, почитаетъ за царское колѣно, и Алексѣевской притомъ былъ-ли и ему сказывалъ-ли, не помнитъ.

На пятый пунктъ Арсеній показалъ, что о митрополитѣ Сѣченовѣ, что до тѣхъ поръ поживетъ, пока оберъ-секретарь Остолоповъ живетъ, не говаривалъ; а говорилъ только объ Остолоповѣ, что онъ въ силѣ у преосвященнаго Димитрія и онъ безъ него ничего не дѣлаетъ, а Гавріилъ с.-петербургскій съ нимъ, Димитріемъ, въ согласіи, почему безъ него и дѣлать ничего не можетъ.

Въ шестомъ пунктѣ, подпрапорщикъ Алексѣевской на монаха Арсенія показалъ. Да онъ же, Арсеній, говорилъ архимандриту Антонію при немъ, Алексѣевскомъ, (а іеродіаконъ Лебедевъ и еще кто былъ-ли, не упомнитъ), о скудости монастырской, что нынѣ и пива сварить не изъ чего, а первый де императоръ хотя и опредѣлилъ отъ монастырей вотчины отнять, но разсудилъ за благо оставить; а прежніе де цари награждали церковь деревнями и прочимъ; а нынѣ-де не только наградить,

но и всё разграбили и бывшей его епархіи изъ Ярославля церковные сосуды отобрали и такъ-де, что въ Россіи дѣлають, того у турковъ нѣтъ и турки-де свои мечети награждаютъ; а у насъ-де нынѣ какъ Содомъ и Гоморъ, то-бъ и до нынѣ были монастыри и церкви въ прежнемъ состояніи, а притомъ предателей упоминалъ, а именно, преосвященныхъ: новгородскаго Димитрія, санкт-петербургскаго Гавріила и бывшаго въ Москвѣ въ Новоспасскомъ монастырѣ архимандрита, которой въ синодѣ членомъ былъ, и самъ послѣ сожалѣлъ и сидѣлъ подъ карауломъ въ монастырѣ, называя именемъ, о коемъ онъ, Алексѣевской, теперь показать запамятовалъ. А російское-де дворянство, не смотря на предковъ своихъ, кои въ монастыри деревни давали, давно-де уже добирались, чтобъ оныя отъ монастырей отобрать, и потому какъ нынѣ видя государыню Екатерину Алексѣевну не твердо въ російскомъ законѣ и російскихъ поведеній не знающу, удобное въ отнятію тѣхъ деревень время изыскали; ибо-де ей, государынѣ, какъ доложили и что представили, то и подписала.

На шестой пунктъ Алексѣевскаго, монахъ Арсеній показалъ. Онъ, Арсеній, говоря архимандриту о скудости монастырской, сказывалъ: хотя Петръ Великій и заопредѣлилъ сколько доходу брать съ деревень въ монастыри, а совсѣмъ деревень не отымали, а прежніе цари награждали церковь деревнями и прочимъ, а чтобъ церковь нынѣ разграбили, и что изъ Ярославля церковные сосуды отобрали, и что въ Россіи то дѣлають, чего у турковъ нѣтъ, и у насъ-де нынѣ какъ Содомъ и Гоморъ,—онъ, Арсеній, не говаривалъ, а говорилъ съ архимандритомъ, что лучше духовному чину жить у турка, нежели въ Россіи; ему-жъ, Антонію, онъ, Арсеній, сказывалъ, что естли бъ не были согласны новгородской Димитрій и с.-петербургской Гавріилъ, тобъ, конечно, деревень не отобрали, коихъ и предателями разумѣть, а о новоспасскомъ архимандритѣ никогда и рѣчи не было, и что точно російское дворянство давно старалось о отнятіи деревень—сказывалъ; а чтобъ нынѣ, видя государыню Екатерину Алексѣевну нетверду въ російскомъ законѣ и російскихъ поведеній незнающу и удобное въ отнятію тѣхъ деревень время изыскали, такихъ рѣчей онъ, Арсеній, никому не говаривалъ. А что государыня по докладу и представленію такъ подписать изволила, онъ, Арсеній, говорилъ.

Въ седьмомъ пунктѣ подпрапорщикъ Алексѣевской показалъ, что онъ, Арсеній, ему, Алексѣевскому, одному читая книги и разсуждая, говаривалъ: „вотъ-де какъ прежде нашу братью, архіереевъ, почитали цари, во всемъ спрашиваясь, благословенія требовали и наша-де братья смѣло ихъ въ духовныхъ дѣлахъ изобличали, а я-де какъ послалъ правильное доношеніе, то за мою правду и въ ссылку меня сослали.

Монахъ Арсеній на седьмой пунктъ отвѣчалъ: онъ, Арсеній, Алексѣевскому читая книги, что нашу-де братію, архіереевъ, почитали цари и благословенія требовали и въ духовныхъ дѣлахъ изобличали—говорилъ, а что онъ за правильное доношеніе въ ссылку сосланъ—ему, Алексѣевскому, чтобъ говорилъ не упоминать, а и теперь въ томъ мнѣніи, что за правильное доношеніе сосланъ и будетъ судиться на страшномъ судѣ.

Въ восьмомъ пунктѣ Алексѣевской показалъ. Златоустова житіе онъ, Арсеній, читая ему, Алексѣевскому, говорилъ, что сосланъ онъ, Златоустъ, отъ царицы въ заточеніе, гдѣ и пострадалъ, такъ, подобно тому, и онъ, Арсеній, страдаетъ.

На восьмой пунктъ Арсеній показалъ. Златоустово житіе онъ, Арсеній, читая ему, Алексѣевскому, говорилъ, что Златоустъ, сосланной отъ царицы въ заточеніе, пострадалъ, а что, подобно тому, и онъ, Арсеній, страдаетъ, того не говаривалъ.

Въ девятомъ пунктѣ Алексѣевской показалъ: показывая онъ, Арсеній, служебникъ кievской печати ему, Алексѣевскому, сказывалъ, указывая на одну молитву: вотъ-де за эту молитву страдаетъ бывшій въ Угличѣ архимандритъ, называя именемъ, о коемъ онъ, Алексѣевской, нынѣ показать запомнилъ, и онъ-де растриженъ и сосланъ въ Соловецкій монастырь, что ту молитву онъ въ церкви въ служеніи читалъ.

На девятой пунктъ Алексѣевского показанія Арсеній отвѣтствовалъ. Онъ, Арсеній, съ архимандритомъ Антоніемъ разсуждалъ и говорилъ, что напрасно бывшаго въ Угличѣ Покровскаго монастыря архимандрита Геннадія растригли и послали въ Соловецкій монастырь въ ссылку; онъ-де только молитву прочелъ, за которую и такова наказанія не заслужилъ, а думаетъ-де онъ, Арсеній, что Сѣченовъ его растригъ по злобѣ на него, Арсенія; ибо оной былъ имъ, Арсеніемъ, посвященъ и опредѣленъ, а что бывшій архимандритъ сосланъ, то онъ, Арсеній, слышалъ отъ

бывшаго у него, Арсенія, келейника Стефана, которой уѣхалъ въ Малороссію и гдѣ находится—неизвѣстно.

И въ семь допросѣ онъ, Арсеній, показалъ самую сущую правду и ничего не утаилъ, подвергая себя за ложное показаніе смертной казни.

Въ концѣ своего допроса архимандритъ Антоній говорить, что съ перваго спросу истинною не показалъ и не доносилъ по своей простотѣ, а подпрапорщикъ Алексѣевской такъ выражается въ концѣ своего допроса: въ первомъ допросѣ во всемъ заперся и о показанныхъ словахъ не доносилъ для того, что по данной инструкціи не поступалъ и опасаясь за то наказанія, а теперъ, пришедъ въ чувство, предъ е. и. в. принося въ своемъ проступкѣ повинную, просить милостиваго помилованія.

На очной ставкѣ монахъ Арсеній показалъ:

1) Чтобъ лучше было, кабы ея величество вступила въ супружество за Ивана Антоновича, онъ, Арсеній, говаривалъ для того, что онъ, Арсеній, слышалъ отъ подпрапорщика Семена Алексѣевского, что государыня Екатерина Алексѣевна объявила въ сенатѣ, что вступаетъ въ супружество за Орлова, и тогда-де всѣ сенаторы, вставъ, просили ея величество, чтобъ того не было, и такъ-де лучше бъ за него, Ивана Антоновича, ея величеству въ супружество идти, нежели за Орлова, и синодъ бы дозволилъ, въ томъ Арсеній и признается.

2) Что Мировича надлежало пытать внутромъ, то бъ истинную узнали, онъ, Арсеній, говорилъ и признается.

3) Чтобъ офицеровъ, которые Ивана Антоновича убили, казнить смертію, онъ, Арсеній, говорилъ и они тому достойны, въ чемъ и признается.

4) Синодскихъ членовъ съ сердца бранявалъ и Дмитрія Сѣченова, называя супостатомъ, кабы пропалъ, то бъ и онъ былъ свободенъ, говорилъ и признается.

5) Чтобъ грабили церковь—не говорилъ, а говорилъ: какъ-де князь Куракинъ серебряные сосуды обобралъ, да надавалъ оловянные, такъ и самъ пропалъ, и что церкви, за отобраніемъ деревень, пустѣють, въ чемъ и признается.

6) Что за правильное доношеніе въ ссылку посланъ, то онъ, Арсеній, говорилъ и признается.

7) Какъ Златоуста читаль, то, что также страдаетъ, какъ Златоустъ, не говариваль, а говорилъ оное Алексѣевской, на что онъ, Арсеній, сказалъ: далеко-де до того. (А Алексѣевской, в очной ставкѣ съ Арсеніемъ, показаль, что онъ Арсенію, что также страдаетъ какъ Златоустъ, не говариваль, а говорилъ точно онъ, Арсеній).

8) Когда житіе Кирила Новоезерскаго онъ архимандриту Антонію, іеродіакону-ль Лебедеву, иль подпрапорщику Алексѣевскому толковаль, то говорилъ, что можетъ-де будутъ Ивана Антоновича братья царствовать, потому что онъ думаетъ пророчество Кирила Новоезерскаго еще не сбылось.

9) А впрочемъ во всемъ онъ, Арсеній, не признается, а утверждается на прежнихъ своихъ допросахъ.

При приложеніи къ бѣлой очной ставкѣ рукъ, подпрапорщикъ Алексѣевской въ пополненіе показаль:

Арсеній говорилъ: не малехонько-де синодъ и члены не смотрять, біблія-де напечатана неисправна и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ жидами согласна, а книжка исповѣдная съ калвинами согласна.

И въ ономъ монахъ Арсеній, что говорилъ, признался, а въ чемъ съ жидами и калвинами согласно, то и доказать можетъ.

Обстоятельный экстрактъ и очныя ставки скрѣплены губернаторскими товарищами Соровиннымъ и Аничковымъ и прокуроромъ Нарышкинымъ.

И. Я. Морозкинъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

АРСЕНІЙ МАЦЪВІЧЪ, МИТРОПОЛИТЪ РОСТОВСКІЙ, ВЪ ССЫЛКЪ.

Историческій очеркъ по вновь открытымъ матеріаламъ.

1767 — 1772 гг.

III ¹⁾.

На допросахъ и очныхъ ставкахъ, какъ мы видимъ, Арсеній во многомъ сознался, что на него показывали; во многомъ улики были такъ сильны, что нельзя было заператься, безъ очевиднаго упорства. Архангелогородская губернская канцелярія донесла обо всемъ государынѣ императрицѣ. По полученіи изъ архангельской канцеляріи бумагъ по этому секретному дѣлу, генераль-прокуроръ князь Вяземскій отправляетъ святѣйшему правительствующему синоду предложеніе, съ требованіемъ копій съ доношеній Арсенія въ синодъ, по коимъ онъ былъ осужденъ къ лишенію чина (вм. сана), равнымъ образомъ и копій съ указовъ изъ синода къ архангелогородскому архіерею и къ архимандриту Николаевскаго корельскаго монастыря, какимъ образомъ его по осужденіи содержать въ монастырѣ, и отъ имени е. и. в. требуетъ, чтобы святѣйшій синодъ благоволилъ прислать въ нему означенныя копіи за скрѣпою, какъ наискорѣе.

Генераль-прокурору князю Вяземскому приказано было въ то же время увѣдомить ревельскаго оберъ-коменданта Муравьева,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLV, февраль, стр. 311—338.

чтобъ онъ принялъ въ свое вѣдомство одинъ казематъ въ крѣпости, въ Выборгѣ, въ Нарвѣ или въ Ревелѣ, пустой, ничѣмъ не занятый, однакожь крѣпкой и къ житію способный, отдѣленный отъ жительства (см. черновой отпускъ князя Вяземскаго ревельскому оберъ-коменданту въ прилож.: отвѣтъ послѣдовалъ отъ Муравьева, 8-го дек. 1767 года), и между прочимъ проглатывалъ бы оный до будущаго впредь повелѣнія.

Въ то же время князь Вяземскій писалъ преосвященнѣйшему митрополиту, вѣроятнѣе, Димитрію Сѣченову, — отъ котораго отвѣта и нѣтъ въ дѣлѣ, потому что онъ былъ въ это время боленъ. а 11-го дек. 1767 года и умеръ (см. Списки архіер. Юрія Толстаго, стр. 11), — что е. и. в. благоугодно вѣдать, какихъ сантиментовъ архангелогородской архіерей, и для того соизволила указать о семъ истребовать мнѣ отъ вашего преосвященства увѣдомленія; чего ради ваше святѣйшество покорнѣйше прошу объ ономъ архіерей, сколько вы его знать изволите, равно и о сантиментахъ его и поведеніи, для донесенія ея величеству пожаловать во мнѣ отписать.

8-го октября 1767 года, отъ генераль-прокурора князя Вяземскаго архангелогородской губернской канцеляріи отправлено было слѣдующее предложеніе.

По присланному къ е. и. в., объ извѣстномъ монахѣ Арсеніи дѣлу, недостаетъ въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ нужнаго свѣдѣнія, и для того оной канцеляріи производившіе оное имѣютъ монаха Арсенія допросить: 1-е, съ чего онъ, Арсеній, подпрапорщику Алексѣевскому разглашалъ, что бывшій архимандритъ Геннадій въ Соловецкой монастырь посланъ напрасно; а онъ такого наказанія не достоинъ, а что-жь онъ, Арсеній, показывалъ, что будто о ссылкѣ онаго Геннадія слышалъ отъ своего келейника, то когда онъ отъ того келейника слышалъ, гдѣ оной келейникъ Геннадія видѣлъ, и какимъ образомъ; а какъ изъ допроса его того, чтобъ келейникъ ему сказывалъ, и о дѣлѣ, за что онъ въ ссылку сосланъ, не видно, то спросить его, Арсенія, за какую именно вину Геннадій сосланъ; а тѣмъ паче, съ чего онъ такое дѣлалъ заключеніе, что и безвинно; буде-жь знаетъ и о винѣ его, такъ отъ кого и когда онъ свѣдалъ; 2-е, означенному Алексѣевскому онъ разглашалъ, что нынѣ церковь разграбили, и что изъ его епархіи сосуды обобрали, а въ допросѣ показавъ,

что сосуды обобралъ князь Куракинъ, то спросить-же, который князь Куракинъ обобралъ сосуды, съ которой церкви, именно когда и чрезъ кого; 3) архимандриту Антонію о обидящихъ церквей на проскомидіи части вынимать привазывалъ, въ томъ хотя и признался, но кого именно разумѣлъ онъ, Арсеній, обижающихъ церквей, въ допросахъ не отыщено, и для того о семъ принудить его къ истинному покаянію, съ изъясненіемъ того, почему и чѣмъ онъ почитаетъ церковь обиженною. Капитанъ Корсаковъ хотя въ губернской канцеляріи, по причинѣ писанныхъ имъ къ Арсенію писемъ, былъ испрашиванъ, но отвѣтъ его весьма кажется вѣры не достоинъ, потому показалъ онъ, что будто у Арсенія былъ и его видѣлъ одинъ разъ, но письма его, по здравому разуму, заставляють думать, что онъ имѣлъ съ нимъ уже короткое знакомство, ибо въ тѣхъ своихъ письмахъ, онъ, Корсаковъ, увѣряетъ въ отмѣнномъ своемъ къ нему почтеніи, котораго безъ особливаго знакомства и увѣренности ни къ кому, тѣмъ менѣе, къ осужденному, имѣть не можно; а посему и остается подозрѣніе, что оной Арсеній не оставилъ его увѣдомить о развращенныхъ и ложныхъ своихъ мысляхъ; и посему его, Корсакова, взявъ въ губернскую канцелярію, допросить, съ наикрѣпчайшимъ о показаніи самой истины подтвержденіемъ: 1-е, чтобъ онъ, Корсаковъ, показалъ самую истинную, какія онъ непристойныя разглашенія отъ Арсенія слышалъ, равно что онъ на тѣ его слова отвѣтствовалъ, а иногда и самъ говорилъ; 2-е, не дано-ль ему, Корсакову, отъ Арсенія какихъ наставленій въ разсужденіи разглашенія о ложной его святости, или-же о слышанныхъ имъ отъ Арсенія непристойныхъ и возмутительныхъ разсѣваніяхъ; 3-е, почему и какими его, Арсенія, благодареніями онъ, Корсаковъ, почелъ себя обязанна имѣть толикое къ нему почтеніе, которое, какъ въ письмѣ значится, онъ навсегда сохранять общается, а притомъ ему, Корсакову, высочайшимъ е. и. в. указомъ объявить, что есть-ли онъ по симъ пунктамъ чистосердечнаго признанія не сдѣлаеть, то поступлено съ нимъ будетъ по всей строгости законовъ; ибо, какъ выше уже сказано, что самыя писанныя къ Арсенію письма доказываютъ съ онымъ короткое знакомство и отмѣнную къ нему преданность и дружбу; а есть-ли онъ, Корсаковъ, чистосердечно, во всѣхъ своихъ съ Арсеніемъ согласіяхъ откроется съ самою

истинною, то въ такомъ случаѣ можетъ надѣяться, что ему въ той его винѣ показано отъ е. и. в. будетъ монаршее милосердіе, послѣ-же допроса оставить его, Корсакова, подъ карауломъ. По допросу подпрапорщика Алексѣевскаго видно, что артиллерійской команды мастерской Быковъ удавился, то губернской канцеляріи справиться обстоятельно, когда оной Быковъ удавился и отъ чего, такожъ и почему Алексѣевской о приключившейся ему смерти свѣдаль, и когдажъ. Изъ допросовъ архимандрита Антонія, подпрапорщика Алексѣевскаго хотя и видно, что они Арсенія содержали во всемъ въ противность даннаго изъ свѣтѣйшаго синода указа, такъ какъ и разные непристойные разговоры отъ Арсенія слыша, не доносили, но для чего они до той не малаго преступленія дошли, то изъ допросовъ ихъ инаго не видится, что всѣ тѣ преступленія якобы дѣлали по простотѣ своей, чему однаковъ вѣрить невозможно; потому что поступки, отъ простоты происходящіе, бывають, когда на что точнаго повелѣнія нѣтъ и дано не будетъ, а сіе преступленіе ими дѣлаво въ явную противность и непослушаніе синодскаго указа, и потому отъ простоты почестся не можетъ, и для того наутвержденнѣйшимъ образомъ обоихъ сихъ допросить, какой ради страсти или причины они такъ его слабо содержали, и чего-же ради они о показанныхъ по дѣлу дерзкихъ того Арсенія поступкахъ молчанію предавали, а сверхъ сего и сами ему были послушны, какъ-то: архимандритъ поминать велѣлъ, по приказу его, обидящихъ церковь; приобщалъ его не такъ, какъ простаго монаха; называли они оба Арсенія преосвященнымъ; цѣловали у него руку. Алексѣевской-же и солдатамъ умысленно не показывалъ данной ему инструкціи, хотя они его о томъ и просили, такожъ и не дѣлалъ-ли оной Арсеній имъ какихъ либо ласкательныхъ обнадеживаній, и буде дѣлалъ, то какія именно, и чему-жъ они изъ такого чиненнаго ими Арсенію послабленія, а себя дѣла преступниками присяги, быть надѣялись, а какъ изъ допросовъ особо Арсенія и капитана Корсакова довольно видно крайнее упрямство и не истинное показаніе, потому имъ объявить, что какъ не безпредѣльно е. и. в. милосердіе, однаковъ преступленія ихъ столь велики, что закономъ опредѣленный въ измыслии истины порядокъ отмѣнить не изволить, тѣмъ болѣе, что Арсеній, яко просто монашествующій, отъ онаго ни почему исклю-

чень быть не может; строгость-же законовъ въ таковыхъ записательствахъ и ухищренныхъ выдумкахъ не можетъ быть имъ всѣмъ незнакома, и для того лучше имъ стараться облегченія, по винамъ ихъ, ожидать и надѣяться отъ чистосердечнаго и откровеннаго оныхъ показанія, нежели отъ упорства и вымысла, что только послужить къ вящшему всѣхъ ихъ истязанію и скорби. Показаннаго-жъ монаха Арсенія, по окончанію описаннаго въ семь предложеніи допроса, еще спросить, извѣстныя по дѣлу непристойныя разглашенія съ каковаго вымысла онъ дѣлалъ, а именно: 1-е, о супружествѣ ея и. в. за принца Ивана; 2-е, съ чего онъ причиталъ принца Ивана братьевъ къ наслѣдству; 3-е, о бытіи въ Россіи двумъ правителямъ и чѣму и онъ, изъ всѣхъ тѣхъ его вредныхъ разглашеній, быть надѣялся, и въ какомъ намѣреніи тѣ свои разглашенія чинилъ. По исполненіи-жъ всего вышепрописаннаго, какъ наискорѣе, со всѣми обстоятельствами съ нарочнымъ курьеромъ, ко мнѣ отписать. Подлинное подписано княземъ Александромъ Вяземскимъ, 8-го октября 1767 года.

Восьмого-же октября 1767 года, тотъ-же князь Вяземскій пишетъ, чтобы не прибѣгать къ истязаніямъ, при дополнительныхъ допросахъ Арсенія и Корсакова. Въ этомъ приказѣ князя Вяземскаго говорится, что хотя въ посланномъ отъ него губернской канцеляріи предложеніи и предписаніи, что съ монахомъ Арсеніемъ и капитаномъ Корсаковымъ, есть-ли они истинной не покажутъ, поступлено будетъ по всей строгости законовъ, но, какъ по безпримѣрному е. и. в. великодушію и милосердію, никакія истязанія терпимы быть не могутъ, то вамъ симъ рекомендую, чтобы по сему дѣлу отнюдь побоями никто истязаемъ не былъ, а только-бъ, безъ всякаго наказанія, показать въ семь дѣлъ только словами строгость, сопряженную съ благоразуміемъ и вѣрностію къ е. и. в., и чрезъ то-бъ одно описанныхъ въ предложеніи людей подвигнуть въ чистосердечному признанію, а не иначе; сіе-же содержать вамъ наискрѣтнѣйше и, вромѣ присутствующихъ по сему дѣлу, никому не показывать.

19-го октября 1767 года, князю Вяземскому, архангелогородской губерніи прокуроръ Нарышкинъ отправилъ покорнѣйшій рапортъ о полученіи имъ отъ 8-го числа октября 1767 года секретнаго ордера, коимъ повелѣвалось, чтобы, по извѣстному монаха Арсенія дѣлу, отнюдь никто истязаемъ не былъ. Что-жъ

касается до исполненія прописаннаго въ ордерѣ вашего сіятельства повелѣнія, то со всераболѣпнѣйшимъ усердіемъ и вѣрностію въ е. и. в. оное исполнять тщатися буду.

Того-жъ 19-го октября 1767 году, князю Вяземскому архангелогородская губернская канцелярія отправила секретнѣйшій рапортъ, о полученіи ею секретнѣйшаго, отъ 8-го числа октября, отъ его сіятельства предложенія, въ силу котораго опредѣлено: 1) въ чемъ кого надлежитъ, выписавъ, допрашивать, а въ случаѣ разнорѣчія и доказательствъ давать и очныя ставки, не чиня особыхъ приговоровъ; 2) капитана Корсакова для допросу отъ генераль-маіора и архангелогородскаго оберъ-коменданта Ганзера, чрезъ посылку указа (указъ посланъ 20-го октября 1767 г.) истребовать, не прописывая матеріи, для чего онъ требуется, а по допросѣ, арестовавъ, держать подъ крѣпкимъ карауломъ, о чемъ, съ надлежащимъ наставленіемъ, поручику Митяшину дать письменный приказъ; 3) артиллерійской новодвинской команды къ капитану Ершеву послать указъ (20-го октября 1767 г. посланъ), въ коемъ предписать, чтобъ онъ, по полученіи, справясь, когда точно мастеровой Бывовъ удавился, гдѣ и отчего—губернскую канцелярію репортоваль. О Бывовѣ нужно замѣтить, что онъ у архимандрита потолокъ обѣлилъ, послѣдній его спрашивалъ, что де у города вѣстей, на что Бывовъ отвѣчалъ: эх-оде носится, что государыня Екатерина Алексѣевна за Орлова вступаетъ въ супружество, что Алексѣевской монаху Арсенію и сказывалъ; 4) при допросахъ, увѣщевая, подлежащее, въ силу вашего сіятельства предложенія, онымъ объявить; 5) по допросу-жъ всѣхъ слѣдующихъ, и по собраніи справокъ объ отправленіи къ вашему сіятельству съ подлежащимъ нарочнаго, учинить обстоятельный приговоръ; 6) а о полученіи вашего сіятельства предложенія со изъясненіемъ резолюціи отрепортовать.

3-го ноября 1767 года, князю Вяземскому архангелогородская губернская канцелярія отправила секретнѣйшій рапортъ: во исполненіе насланнаго отъ вашего сіятельства отъ 8-го числа прошлаго мѣсяца во оную губернскую канцелярію предложенія, по извѣстному монаха Арсенія дѣлу, писала она, подлежащія всѣ допрашиваны, а въ разнорѣчіяхъ даваны и очныя ставки, что обстоятельно изъ сочиненнаго и при семъ приложеннаго экстракта усмотрѣть соизволите, а притомъ губернская канце-

заяря честь имѣть донести, что всѣ на словахъ строгости употребляемы были, но никакого успѣха не послѣдовало, какъ изъ очныхъ ставокъ увидѣть изволите, бѣлые-жъ допросы и очныя ставки при томъ экстрактѣ представляются; по сему-жъ дѣлу, сверхъ прежнихъ колодниковъ содержатся двое: первой, капитанъ Римской-Корсаковъ, второй, канцеляристъ Иванъ Манаковъ скованой. Губернская-жъ канцелярія осмѣливается представить: 1-е, что съ оными колодниками чинить; 2-е) какъ подаренная отъ монаха Арсенія архимандриту Антонію ряса и полувафтанье, по случаю, что здѣсь на подворьѣ было отобрано, то оное куда повелите, также и прочее, даруемое отъ Арсенія разнымъ чинамъ, взымать-ли, а что продано, слѣдовать-ли о томъ просить отъ вашего сіятельства повелѣнія, а сей репортъ, съ приложениями, отправленъ съ нарочнымъ архангелогородскихъ баталіоновъ сержантомъ, Василиемъ Юхлавскимъ, воему, какъ до Москвы, такъ и обратно до города Архангельскаго, на двѣ почтовые подводы прогоны выданы. При отправленіи-жъ сего курьера, съ полученною московскою почтою, господинъ архангельскій губернаторъ Головцынъ предлагаетъ, чтобъ Корсаковъ истребованъ былъ, для доказательства въ лихоимственныхъ взяткахъ, полковникомъ Ганзеромъ опредѣленной комиссіею отъ г. оберъ-коменданта, но какъ оной подъ вѣдомствомъ губернской канцеляріи подъ карауломъ состоятъ, слѣдственная-жъ комиссія, въ силу его превосходительства предложенія, во отведенномъ при губернской канцеляріи покоѣ, производство свое имѣть будетъ, со стороны-жъ губернской канцеляріи депутатъ изъ губернаторскихъ товарищей опредѣлится, то въ такомъ разсужденіи въ архангелогородской губернской канцеляріи опредѣлено будетъ, дабы не сдѣлать въ слѣдствіи остановки, для допроса и доказательства, въ то время, когда потребенъ будетъ, за карауломъ его, Корсакова, въ ту комиссію приводить.

3-го же числа ноября 1767 года, прокуроръ Нарышкинъ отправилъ въ князю Вяземскому свой секретный покорнѣйшій рапортъ, въ которомъ пишетъ, что и онъ, съ своей стороны, его сіятельству ничего инаго, какъ то-же, что и губернская канцелярія, по извѣстному монаха Арсенія дѣлу, въ своемъ, объявила, донести честь имѣть, что всѣ на словахъ строгости и увѣщанія во изысканіи прямой истины не предуспѣли, и какое великое

разнорѣчіе, то изъ представленнаго эстракта усмотрѣть соизволите.

По справкамъ оказалось за капитаномъ Корсаковымъ очень не мало проступовъ. Въ полученномъ изъ государственной военной коллегіи въ архангельскую губернскую канцелярію, въ 1764 году, 21-го мая, указъ написано, что онъ, Корсаковъ, былъ въ штрафахъ:

1) 1762 года, мая 2-го, за порубленіе еврея шпагою Вологодскаго пѣхотнаго полку подпоручика Селиванова въ арестъ находился недѣлю; за порубленіе подпоручика Иванова шпагою и полевого лекаря арестованъ былъ также, за каждаго, на одну жъ недѣлю, и другіе его проступки выставлены въ справкѣ, напримѣръ: пьянство, ложное оболганіе, игра въ карты, небытіе на смотрѣхъ.

По справкѣ о канцеляристѣ Иванѣ Манаковѣ отъ консисторіи архангельской показано: 1) когда монахъ Арсеній отъ преосвященнаго епископа Іоасафа отправляемъ былъ въ Никольскій корельскій монастырь подъ карауломъ, то все оное производство было по экспедиціи находившагося въ оной консисторіи за секретаря вышеписаннаго канцеляриста Манакова и писмо было имъ, Манаковымъ; а сего 1767 года, марта 30-го дня, объявленной Манаковъ поданною на всевысочайшее е. и. в. имъ, его преосвященству, челобитною просилъ объ увольненіи его отъ консисторіи въ Москву, для просьбы, по святѣйшему синоду, о награжденіи его чиномъ и опредѣленія къ дѣламъ; почему онъ, Манаковъ, въ силѣ резолюціи его преосвященства, для приисканія себѣ мѣста, по его желанію, отъ консисторіи сего 1767 году, апрѣля 6-го числа, съ аттестатомъ уволенъ и пашпортомъ отпущенъ, и велѣно ему явиться, какъ въ томъ пашпортѣ значится, гдѣ по указомъ надлежитъ; 2) онъ, Манаковъ, по консисторіи, въ подозрѣніяхъ, штрафахъ и навазаніяхъ не бывалъ, человекъ онъ житія и поведенія честнаго и по консисторіи секретарскую должность правилъ прилежно и безподозрительно.

По справкѣ въ губернской канцеляріи о Манаковѣ оказалось въ поданномъ 1764 году, сентября 10-го дня, въ губернскую канцелярію отъ бывшаго въ архангелогородской духовной консисторіи канцеляриста (который нынѣ въ архангельскомъ гарнизонѣ въ первомъ батальонѣ солдатомъ) Григорья Шавардина, той же консисторіи за секретаря на канцеляриста Ивана Манакова доношеніи, между прочимъ, показано, на прошлые 1762 и

1763 годы даны были изъ реченной консисторіи въ Николаевской корельской монастырь, для записки приходу и расходу денежной казны, шнурозапечатанныя скрѣпленныя книги, и онъ-де, Шавардинъ, увѣдомился, что тѣ книги уничтожены, а сочинены означеннымъ Манаковымъ вновь другія фальшиво, которыя имъ, Манаковымъ, скрѣплены, а въ посланныхъ-де въ коллегію экономіи сочиненныхъ имъ, Манаковымъ, приходныхъ книгахъ, запечатанныхъ въ томъ монастырѣ при прежде бывшемъ Варсонофій, архіепископѣ архангельскомъ, монастырскихъ казенныхъ денегъ болѣе пяти тысячъ рублей (изъ коихъ вынато на расходы тысяча рублей), въ приходѣ ничего не показано; за сочиненіе же оныхъ книгъ выдаваемо было ему, Манакову, болѣе пятидесяти рублей, и дано жъ двѣ коровы и лошадь, и просилъ онъ, Шавардинъ, чтобъ изъ Николаевскаго корельскаго монастыря, 1762 и 1763 годовъ, прежде данныя изъ консисторіи, скрѣпленныя также и каковы посланы въ коллегію экономіи, приходныя и расходныя книги, взявъ въ губернскую канцелярію, освидѣтельствовать; по освидѣтельствованіи оказались оныя неисправными; дѣло пошло въ коллегію экономіи съ отосланными книгами и копіями съ приходныхъ и расходныхъ книгъ, изъ губернской канцеляріи, но въ губернскую канцелярію указа не получено изъ коллегіи экономіи.

Справки о Корсаковѣ и Манаковѣ по листамъ скрѣплены прокуроромъ Василюемъ Нарышкинымъ, а въ концѣ справки подписались губернаторскіе товарищи и прокуроръ Нарышкинъ.

20-го октября, 1767 года, по предложенію генераль-прокурора князя Вяземскаго, монаху Арсенію учинены вопросныя пункты, противъ коихъ онъ допрашиванъ и показалъ: онъ, Арсеній, подпрапорщику Алексѣевскому разглашалъ, что бывший архимандритъ Геннадій въ Соловецкій монастырь посланъ напрасно и что такого наказанія не достоинъ, потому что бывший у него велейникъ Стефанъ, какъ Геннадія везли, чрезъ городъ Архангельскъ, то въ то время случись (такъ въ экстрактѣ, а въ вопросахъ и показаніяхъ: случась быть въ городѣ) и къ нему, Геннадію, допущенъ былъ конвойными у него солдатами, коему онъ, Геннадій, сказывалъ, что сосланъ за прочтеніе той молитвы, послѣ молебна, которую въ бывшую съ королемъ прусскимъ войну читывали (въ семи-лѣтнюю такъ называемую) на обѣднѣ

и послѣ молебна, коя въ служебникѣ кievскомъ показана, но онъ, Арсеній, за немѣнiемъ кievскаго служебника, показать наизусть не помнитъ (въ вопросахъ и показанiяхъ: не упомянуть); то оной (въ экстрактѣ: онъ) Стефанъ, возвратясь въ Николаевской монастырь, котораго (въ экстрактѣ: коего) точно мѣсяца и числа не помнитъ, ему, Арсенію, сказывалъ, то онъ, Арсеній, и разсуждаетъ, что за такую малость онъ такого наказанiя не достоинъ, а точно ль онъ, Геннадій, за ту вину сосланъ, того онъ, Арсеній, не знаетъ и ни отъ кого не слыхалъ; заключаетъ же, что безвинно для того, что эта молитва опробованная и уже въ служеніи употребляемая.

На второй вопросъ, который князь Куракинъ обобралъ сосуды, отъ которой церкви имянно, и когда и чрезъ кого, Арсеній показалъ слѣдующее. Какъ онъ еще былъ въ Ростовѣ архіереемъ, то слыхалъ отъ пріѣзжающихъ, а отъ кого точно и въ которое время—не упомянуть, что князь Куракинъ, а имя не знаетъ, только тотъ, которой былъ въ коллегіи экономіи президентомъ, въ С.-Петербургѣ, у Благовѣщенской церкви, тѣ сосуды, которые покойная государыня Елисавета Петровна въ ту церковь опредѣлила, обобралъ, а самъ ли, или чрезъ кого другого, того онъ не слыхалъ и не знаетъ.

На третій вопросъ: кого имянно разумѣешь ты, Арсеній, обижающихъ церковь, и почему, и чѣмъ ты обиженною церковь считаешь, онъ отвѣчалъ слѣдующее: Обижающихъ церковь разумѣеть онъ, Арсеній, предателей оной, Дмитрія, митрополита Новгородскаго, и Гавріила Санетъ-Петербургскаго; потому что они согласники сдѣлались въ отнятiи (въ вопрос. и показанiяхъ: о отнятiи) отъ церквей деревень, и церковь тѣмъ обиженную считаешь, что деревни обобрали отъ домовъ архіерейскихъ и отъ монастырей, равномѣрно же онъ, Арсеній, разумѣеть всѣхъ и свѣтскихъ чиновъ (Иконниковъ пишетъ: нѣмецкихъ, см. „Русскую Старину“ 1879 г., октябрь, стр. 189), которые о отнятiи деревень отъ церквей старались и въ комиссіи объ ономъ присутствовали, обижающими церковь (въ вопросахъ и показанiяхъ: обижающихъ церковь); чему яснѣйшимъ примѣромъ при бывшемъ императорѣ Петрѣ Феодоровичѣ: присланъ былъ отъ генераль-фельдмаршала князя Никиты Юрьевича Трубецкаго въ Ростовской архіерейской домъ офицеръ-иноземецъ, а это онъ таковъ, не

упомнить, которой при томъ домѣ конской заводъ, по приказу его, Трубцеаго, заграбилъ и погвалъ, а куда, не знаетъ, которой офицеръ ему, Арсенію, говорилъ публично, а при комъ имянно, не упомянуть, что-де (въ экстрактѣ: и то-де) такого завода и на сорокъ тысячъ (въ вопросахъ и показ.: тысящъ) рублей не завести, а болѣе вышеозначенныхъ людей кто обижаетъ церковь, онъ никого не знаетъ и не полагаетъ; кто-жь точно свѣтскіе чины о отнятіи деревень старались и въ комиссіи присутствовали, того онъ, Арсеній, показать не знаетъ.

И въ семъ допросѣ показалъ онъ, Арсеній, самую сущую правду, ничего не утая, а есть-ли что хотя мало утаилъ, а изблеченъ будетъ, то подвергаетъ себя смертной казни. Арсеній собственною рукою закрѣпилъ вѣрность своихъ показаній на предложенные ему вопросы.

Вопросы и показанія монаха Арсенія по листамъ скрѣплены прокуроромъ Василиемъ Нарышкинымъ.

20-го октября 1767 года, въ Архангелогородской губернской канцеляріи, вслѣдствіе полученнаго отъ князя Вяземскаго предложенія, сверхъ его допроса, въ повелѣнномъ допрашиванъ и показалъ монахъ Арсеній: на вопросъ, съ какого вымыслу ты дѣлалъ непристойныя разглашенія о супружествѣ ея величества за принца Ивана, онъ, Арсеній, показалъ: о супружествѣ ея имп. вел. за принца Ивана безо-всякаго умыслу, а только съ того, какъ слышалъ отъ Алексѣевского, что ея величество намѣрена вступить въ супружество за Орлова, то онъ и говорилъ, что лучше бы было за принца Ивана, потому, что онъ царскаго колѣна.

На второй вопросъ: съ чего ты, Арсеній, причиталъ принца Ивана братьевъ къ наслѣдству, показалъ: принца Ивана братьевъ онъ, Арсеній, почитаетъ за царское колѣно, и, рассуждая, что есть ли, не дай Богъ, ея величество и его высочество государь цесаревичъ скончаются, то они останутся наслѣдниками и не кому иному быть, какъ имъ, что и утверждаетъ.

На третій вопросъ: о бытіи въ Россіи двумъ правителямъ и чему ты изъ всѣхъ своихъ вредныхъ разглашеній быть надѣялся, и въ какомъ намѣреніи тѣ свои разглашенія чинилъ, отвѣчалъ слѣдующее: о бытіи въ Россіи двумъ правителямъ, онъ, почитая, что еще пророчество Кирилла Новозерскаго не сбылось, а оно, конечно, будетъ, то и думаетъ, что будутъ два правителя, чрезъ

которыхъ и вся вселенная поклонится Господу Богу; изъ всѣхъ же своихъ разглашеній ничему быть не надѣялся, а всѣ свои разглашенія чинилъ между разговорами и безо-всякаго умысла.

И этотъ дополнительный допросъ закрѣпилъ монахъ Арсеній собственною рукою.

Оный же допросъ скрѣпленъ прокуроромъ Нарышкинымъ.

Того жъ 20-го октября 1867 года, въ Архангелогородской губернской канцеляріи опредѣлено, видя присланнаго капитана Римскаго-Корсакова такъ пьяна, что оной ничего отвѣчать не можетъ, то посадить подъ караулъ, а какъ вытрезвится, то въ подлежащемъ допросить и чинить исполненіе, какъ предложеніемъ его сіятельства князя Вяземскаго повелѣно

21-го октября 1767 года, по предложенію князя А. А. Вяземскаго, господина генерала прокурора, учинены вопросныя пункты капитану Якову Римскому-Корсакову. Противъ вопросныхъ пунктовъ Римскій-Корсаковъ былъ допрашиванъ и показалъ:

«На первый вопросъ: показать тебѣ, Корсаковъ, самую истинную, какія непристойныя разглашенія ты отъ Арсенія слышалъ, равно и что ему ты на тѣ слова отвѣтствовалъ, а иногда и самъ говорилъ, отвѣчалъ: онъ, Корсаковъ, былъ въ прошломъ 1765-мъ году, въ іюнь мѣсяцѣ, а числа не помнить, по бытности у архимандрита Антонія, и у него, Арсенія, въ одинъ день два раза—по утру, да послѣ обѣда, и въ оныя оба раза никакныхъ непристойныхъ разглашеній отъ него не слышалъ, кромѣ того, что онъ говорилъ по утру, новгородскій митрополитъ Дмитрій по его, Арсенія, представленію изъ кандидатовъ въ архіереи произведенъ, а нынѣ ему злобствуетъ; на что онъ, Корсаковъ, ему, Арсенію, ничего не отвѣчалъ; при чемъ архимандритъ Антоній былъ, да партикулярные разговоры съ нимъ, Арсеніемъ, онъ, Корсаковъ, имѣлъ о Польшѣ, которое мѣстечко богатѣе, кто изъ поляковъ знатнѣе, какимъ образомъ на сеймъ собираются, какимъ образомъ въ короли выбираютъ; а послѣ обѣда онъ, Корсаковъ, у Арсенія хотя и былъ, но безъ чувства напившись пьянъ у архимандрита и у Арсенія, зачалъ опять разговоръ о Польшѣ, а что говорилъ и про одну ль Польшу или что другое, за чрезвычайнымъ пьянствомъ онъ, Корсаковъ, не помнить; и какъ возвратился къ архимандриту въ келью, того онъ не пом-

нить же, гдѣ и спалъ, а какъ пробудился, то изъ людей архимандричьихъ ему свазывали, а кто имянно, не упомнить, что онъ, Корсаковъ, былъ у Арсенія съ полчаса, а архимандрить былъ-ли послѣ обѣда, того онъ не припомнить; самъ-же онъ, Корсаковъ, никакихъ непристойныхъ словъ и разглашеній какъ ему, Арсенію, такъ и никому не говаривалъ, а архимандрить пьянъ очень былъ.

На второй вопросъ, не дано-ль тебѣ, Корсакову, отъ Арсенія какихъ наставленій въ разсужденіи разглашеній, о ложной его святости или же о слышанныхъ тобою отъ Арсенія непристойныхъ и возмутительныхъ разсѣваніяхъ, Корсаковъ показалъ: отъ Арсенія никакихъ наставленій о ложной его святости не принималъ и не слышалъ; также и непристойныхъ и возмутительныхъ разсѣваніевъ онъ, Арсеній, дѣлать ему не приказывалъ, а прежде его бытности у Арсенія архимандрить Антоній будучи у города Архангельскаго, свазывалъ ему, Корсакову, что Арсеній—ученой человекъ и великой мастеръ проповѣди свазывать, и свазываетъ въ церкви и для слышанія (въ вопросахъ и показаніяхъ: для слушанія) одинъ разъ его звалъ къ празднику, а къ какому и котораго числа, не упомнить, только послѣ того времени, какъ онъ письма къ Арсенію писалъ, но онъ, Корсаковъ, не поѣхалъ, что уже (въ экстрактѣ: уже и то) услышалъ отъ Алексѣевскаго и архимандрита Антонія, что Арсенія вѣрно вѣрѣнко держать подъ карауломъ.

На третій вопросъ: почему и какими Арсенія благодареніями ты, Корсаковъ, почелъ себя обязанна имѣть толикое къ нему почтеніе, которое, какъ въ письмѣ значитса, навсегда сохранять обѣщалса, отвѣчалъ: за вѣжливость его, Арсенія, и за угощеніе онъ, Корсаковъ, письма писалъ не будучи никакими благодареніями обязанъ и почтеніе ему за угощеніе дѣлалъ, а что въ письмѣ писалъ, что навсегда обязывается сохранять, то безъ всякаго умыслу, а только для одного краснорѣчія; а какъ услышалъ, что его вѣрѣнко держать подъ карауломъ, то онъ писать пересталъ, а первое письмо къ нему, Арсенію, онъ послалъ съ Алексѣевскимъ. А при подписаніи бѣлаго допроса онъ, Корсаковъ, объявилъ, что Арсеній о Димитріи митрополитѣ къ тому говорилъ, что за защищеніе его правильное (въ показаніяхъ праведное) церкви онъ страждетъ отъ него, Димитрія.

Бѣлый допросъ скрѣпленъ капитаномъ Корсаковымъ и послѣднія строки писаны его собственною рукою.

Допросъ Корсакова, по листамъ, скрѣпленъ прокуроромъ Нарышкинымъ.

21-го же октября 1767 г., противъ показанія Римскаго-Корсакова архимандритъ Антоній былъ допрашиванъ, а 22-го октября того-же года и подпрапорщикъ Алексѣевской, противъ показанія того-же Корсакова, былъ допрашиванъ.

20-го числа октября 1767 года, въ силу насланнаго отъ генерала прокурора князя Вяземскаго предложенія, архимандритъ Антоній былъ допрашиванъ и показалъ: онъ, Антоній, Арсенія въ противность синодскаго указа содержалъ слабо и о показанныхъ по дѣлу дерзкихъ поступкахъ молчалъ и ему, Арсенію, былъ послушенъ для того, что онъ ему, Антонію, подарилъ паннагію финифтяную, въ ковчегѣ серебряномъ мощи Дмитрія Солунскаго, да другого святого, а какого—не упомнить, расу люстриновую черную, полукафтанье голубое, люстриновое, пояс шелковой, вишневой, да двѣ книги Октоихи, изъ коихъ вѣдѣ ряса и полукафтанье здѣсь на подворьѣ у служителя Василя, а прочее въ церкви, а Октоихи въ кельѣ, въ монастырѣ, да въ разныя времена деньгами рубли по два и по три, а сколько всѣхъ денегъ—не упомнить, а сверхъ того, лъстясь его, Арсенія, увѣренію, что будутъ принца Ивана два брата царствовать и что онъ, Арсеній, увѣрялъ, нынѣ-де то время приходитъ, потому что они еще юноши, а въ Кирилла Новозерскаго житіи написано, что юноши будутъ царствовать, такъ и надобно онаго ожидать вскорѣ, а какъ означеннаго принца Ивана братья на царство вступятъ, то возмутъ Константинополь и онъ, Арсеній, будетъ по прежнему архіереомъ, а деревни монастырямъ возвратятся. чему онъ всему, Антоній, вѣрилъ и, надѣясь оному быть, такое послабленіе и преступленіе присяги дѣлалъ, думая, что Арсеній какъ архіереомъ будетъ, его не оставитъ, а говорилъ-ли онъ кому оныя рѣчи окромѣ его, Антонія, онъ не знаетъ и не слыхалъ, а ему, Антонію, онъ, Арсеній, многократно говаривалъ только одинъ наединѣ и никто объ ономъ не слыхалъ.

А противъ вышеозначеннаго допроса архимандрита Антонія, монахъ Арсеній показалъ, что всѣ показуемыя вещи и деньги, окромѣ мощей, въ ковчегѣ, онъ, Арсеній, архимандриту дарилъ

для того, что онъ его духовникъ, а не для того, чтобъ ему, Арсенію, онъ послабленіе дѣлалъ. Его-жъ, Антонія, онъ, Арсеній, о братьяхъ принца Ивана, что будутъ царствовать и нынѣ де то время приходитъ, потому что они еще юноши, а по пророчеству Кирилла новозерскаго, что надобно онаго скоро ожидать и они Константинополь возмутъ, онъ, Арсеній, не увѣрялъ, и что какъ они царствовать будутъ, то и онъ будетъ архіереемъ по-прежнему, и монастырямъ деревни возвратятъ, не говаривалъ, а только между разговорами ему, Антонію, сказывалъ, что означенное пророчество сбудется, и можетъ де братья принца Ивана будутъ царствовать, а точно объ ономъ не утверждалъ, а что Константинополь дѣйствительно возмутъ, то онъ утверждаетъ, потому что турки сами онаго надѣются, что онъ слыхалъ отъ своего дѣда поляка Василя, которой въ 1712 году умеръ. Ибо онъ у турковъ въ полѣну былъ и отъ нихъ слыхалъ, что они считаютъ за ними Константинополь будетъ 300 лѣтъ, кои годы, по ихъ исчисленію, прошли, да и по его, Арсенія, исчисленію, въ 1753 году, миновали, и онъ уповаешь, что точно Константинополь взять будетъ, а когда—не знаетъ.

На очной ставкѣ, монахъ Арсеній показалъ, что далъ ковчежецъ съ мощами, въ томъ признался, а не показалъ въ допросѣ забвеніемъ, а чтобъ архимандриту о царствованіи братьевъ принца Ивана и что надобно скоро ожидать также, что онъ будетъ скоро архіереемъ, попрежнему, и деревни монастырямъ возвратятся, того не говаривалъ, и утверждаетъ на прежнемъ своемъ допросѣ. А архимандритъ Антоній, на очной ставкѣ, показалъ: точно, что онъ, Арсеній, его увѣрялъ, какъ въ допросѣ показалъ, утверждаетъ.

20-го-жъ числа октября 1767 года, въ силу насланнаго отъ князя Вяземскаго предложенія, допрашиванъ подпрапорщикъ Алексѣевской и показалъ: 1-е, что мастеровой Быковъ удавился, то онъ слышалъ отъ прѣвзажающихъ изъ города въ Николаевской монастырь служителей, а отъ кого, точно не упомнить, а сверхъ того, жена означеннаго Быкова, а какъ ее зовутъ не знаетъ, ѣхавъ въ ненаску въ великой постъ къ празднику, а коего числа не помнить, гдѣ чудотворный образъ Алексѣя божія чловѣка, заѣхавъ въ Николаевскій монастырь, и, пришедъ при немъ, Алексѣевскомъ, къ архимандриту Антонію, объявила, что мужъ

ея удавился, и, принесши образъ, а коего святого не упомянуть, просила его, чтобъ онъ по немъ чинилъ поминовеніе, на что онъ, взявъ образъ ея, отвѣчалъ, что оной въ церковь поставить, поставилъ въ велью свою, а послѣ поставилъ-ли въ церковь, или нѣтъ, того онъ не знаетъ, а о поминовеніи сказалъ, что онъ не будетъ поминать для того, что онъ, Быковъ, самъ себя удавилъ, а болѣе ни отъ кого о Быкова удавленіи не слыхалъ.

Противъ Алексѣевского показанія, архимандритъ Антоній показалъ сходственно, а на посланной о удавленіи Быкова указъ, сего 1767 года, февраля съ 11-го на 12-е число, въ 12-мъ часу пополудни удавился въ домѣ своемъ въ избѣ, а отъ чего, точно неизвѣстно, казенныя-жъ вещи всѣ послѣ его остались въ цѣлости, а мертвое тѣло тащено было, по резолюціи господина оберъ-коменданта Ганзера, профосами по улицамъ въ страхъ другимъ.

На второй вопросъ, Алексѣевской показалъ, что онъ монаха Арсенія, въ противность данной инструкціи, содержалъ и о показанныхъ по дѣлу его, Арсенія, дерзкихъ поступкахъ молчалъ и нигдѣ не доносилъ для того, что въ разныя времена ему, Алексѣевскому, онъ, Арсеній, даывалъ деньгами по рублю и болѣе, а сколько всѣхъ денегъ онъ, Арсеній, передавалъ, не упомянуть, да въ прошломъ году, сентября 1-го дня, онъ, Арсеній, ему, Алексѣевскому, далъ гризету темнаго 9 аршинъ, которой онъ, Алексѣевской, торговкѣ отставнаго канонира Осипа Худекова женѣ продавъ по 1 р. 20 к. за аршинъ, ему деньги отдала, да въ разныя времена ему, Алексѣевскому, онъ, Арсеній, далъ три лисицы, которыя солдатъ Григорій Кустовъ продалъ по 1 р. 50 копѣекъ каждую, ему, Алексѣевскому, деньги отдалъ, да того-жъ числа архимандриту Антонію онъ, Арсеній, далъ два куска люстрину, одинъ ему, а другой на что, не знаетъ, да солдатамъ Ухову, Кустову, да другому Кустову, который умре, и Порохину давалъ онъ, Арсеній, деньги въ разныя числа, дня-же того-жъ 1-го числа сентября, далъ семь аршинъ люстрину темнаго, которой онъ, Алексѣевской, отдалъ показанной-же Худекова женѣ для продажи, коя продавъ по 1 р. 50 к., деньги ему, Алексѣевскому, а онъ имъ, солдатамъ, отдалъ, а никакихъ ласкательныхъ обнадеживаній Алексѣевской отъ Арсенія не слыхалъ, а только слышалъ отъ солдата Ухова, что онъ го-

вариваль, какъ-де Арсенія батюшку свободяты, то онъ и меня возьметъ съ собою, что слыхали Кустовъ и Порохинъ, да іеродіа-вонъ Лебедевъ, а съ чего онъ, Уховъ, то говорилъ, того онъ, Алексѣевской, не знаетъ; ничего-же онъ, Алексѣевской, изъ послабленія Арсенія и наруша присягу быть не надѣялся, а только дѣлалъ онъ изъ подарковъ, для чего послѣ уже и доносить не смѣлъ, а приложя къ бѣлому допросу руку, показаль, да сверхъ того ему, Алексѣевскому, онъ, Арсеній, платокъ полуситцевой, скатерть, да девять салфетокъ далъ, да, по просьбѣ его, Алексѣевскаго, три частицы мощей святыхъ, а именно, преподобнаго Авраамія ростовскаго, святаго Григорія аврагантинскаго, а третья чья, не упомянуть, всѣ въ его квартирѣ находятся.

О подаркахъ ему, Алексѣевскому, архимандриту и солдатамъ, монахъ Арсеній показаль съ Алексѣевскимъ показаніемъ сходственно, изобразя, что оное даваль, безо всякаго умыслу. а солдаты во ономъ признались. Архимандритъ Антоній показаль, что два куска люстрину, одинъ ему, а другой въ церковь, для сдѣланія одежды на престоль, Арсеній далъ, и какъ на одежду одного не стало, то онъ и данной ему на то-жъ употребилъ.

22-го числа октября 1767 г., архангелогородской губернской канцелярѣи, просясь въ присутствіе, просилъ монахъ Арсеній, чтобъ объявленіе его записать и представить е. и. величеству нижеслѣдующее.

1-е, просить онъ, Арсеній, чтобъ е. и. величество, всеми-лостивѣйшая государыня, сотворила съ нимъ, Арсеніемъ, милость и соизволила-бъ подлинное его доношеніе, посланное въ святѣйшій синодъ, за которое онъ и осужденъ, сама прочесть, то, конечно, изволить увидѣть его правость; ибо онъ, когда еще при жизни покойной государыни, Елисаветы Петровны, будучи въ епархіи, то получилъ отъ стряпчаго оной епархіи, а отъ котораго, коего году, мѣсяца и числа, не упомянуть, копію съ доклада, а подлинной подписанъ бывшимъ канцлеромъ Бестужевымъ-Рюминимъ и прочими бывшими тогда знатными господами, окромѣ графа Петра Шувалова, о обобраніи отъ церкви деревень, то онъ, Арсеній, написавъ письмо, адресуя его чрезъ канцлера покойнаго Бестужева-Рюмина къ ея величеству государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ, которое письмо сходно съ его до-

ношеніемъ, за кое онъ страждетъ; то ея величество разсмотря, что онъ, Арсеній, писалъ справедливо, поданнаго доклада когда приносили опробовать и подписать не соизволила, единственно, послушавъ его письма, что онъ слышалъ отъ прїѣзжающихъ въ Ростовъ для богомолья придворныхъ дамъ, а отъ кого, точно не упомнить, а что въ манифестѣ, по вступленіи ея императорскаго величества государыни, Екатерины Алексѣевны, а коего года, мѣсяца и числа, не помнить, о обобраніи отъ церквей деревень объявлено, будто государыня Елисавета Петровна за пять годовъ до кончины подписала о отобраніи вотчинъ церковныхъ, то несправедливо, и это въ манифестѣ написано излишно, что онъ дѣйствительно утверждаетъ; потому что отъ многихъ слыхалъ придворныхъ, а отъ кого, точно не упомнить, говорила ея величество, когда приносили къ ней докладъ, что не подпишетъ, а какъ де послѣ смерти моей хотятъ.

2-е, по доношенію его и по слѣдствію докладывано, какъ онъ, Арсеній, думаетъ изъ синода экстрактомъ и на словахъ ея величеству, а есть-ли-бъ подлинное доношеніе ея величество соизволила читать, то-бъ конечно онъ-бы такъ наказанъ не былъ.

3-е, какъ онъ содержался въ Николаевскомъ монастырѣ, то приходилъ къ нему архангелогородской консисторіи канцеляристъ Иванъ Манаковъ, съ архимандритомъ Антоніемъ, а коего году, мѣсяца и числа, не упомнить, то онъ, Манаковъ, говорилъ ему, Арсенію, что нынѣ де деревни отъ церквей обобрали, да и покойная де государыня, Елисавета Петровна, оное за пять лѣтъ своея кончины подписала, какъ въ манифестѣ объявлено, но что онъ, Арсеній, ему отвѣчалъ, что это—самая ложь и въ манифестѣ объявлено излишно, потому что хотя ея величеству и представляли доклады, но она, по его, Арсенія, письму, подписать не изволила, а сказала: „какъ де хотятъ послѣ моей смерти, а я не подпишу“, а отвѣчалъ-ли на оное что Манаковъ, того онъ не помнить, и больше разговоровъ не было, разговоры-жъ между имъ и Манаковымъ, слышалъ-ли архимандритъ, того онъ не знаетъ.

4-е, онъ, Арсеній, и нынѣ утверждаетъ, что деревень отъ церквей для прописанныхъ резоновъ въ посланномъ отъ него въ синодъ доношеніи отбирать не надлежало.

Ив. Морозкинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1885

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

ТОМЪ XLVI.

АПРѢЛЬ. — МАЙ. — ЮНЬ.

АРСЕНІЙ МАЦЬВЕВИЧЪ, МИТРОПОЛИТЪ РОСТОВСКІЙ, ВЪ ССЫЛКѢ.

Историческій очеркъ по вновь открытымъ матеріаламъ.

1767 — 1772 гг.

IV¹⁾.

31-го октября 1767 года, іеродіаконъ Лебедевъ, въ силу учиненнаго опредѣленія, сказываль-ли монахъ Арсеній проповѣди, со увѣщаніемъ допрашиванъ и показаль. Монахъ Арсеній, по воскреснымъ днямъ, въ церкви, за обѣднею, послѣ заамвонной молитвы, четъи-миней, катихизисъ, толковое евангеліе, толковую псалтырь (послѣдняя не упомянута у Чистовича) ионку-іераполитику и алфавитъ духовный, стоя на амвонѣ, читываль и толковываль, при чемъ всѣ служащіе во облаченіи церковномъ бывали²⁾, что архимандритъ Антоній и Алексѣевской знають. А монахъ Арсеній показаль. Всѣ тѣ книги, о коихъ іеродіаконъ Лебедевъ показаль, онъ читываль за обѣднею на амвонѣ, и, читая оныя, толковываль. Архимандритъ Антоній, противъ допроса Лебедева, показаль, что это дѣлаль Арсеній съ его дозволенія, а Корсакова, для слушанія, не зываль. Алексѣевской показаль, противъ допроса Лебедева, что Арсеній за обѣднею читываль книги и толковываль, то онъ, Алексѣевской, слыхаль.

Подробности о допросахъ, по опредѣленію губернской канцеляріи, канцеляриста Ивана Манакова, и объ очныхъ ставкахъ съ нимъ монаха Арсенія, архимандрита Антонія, подпрапорщика Алексѣевского и солдата Ухова излагаются въ дополнительномъ экстрактѣ. Секретный дополнительный экстрактъ по листамъ скрѣпленъ прокуроромъ Василиемъ Нарышкинымъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., т. XLV, февраль, стр. 311—338. мартъ, стр. 611—628.

²⁾ Какъ будто онъ и въ самомъ дѣлѣ читаль проповѣдь, какъ епископъ (прибавляетъ г. Чистовичъ, см. День, 1862, № 15).

По полученіи, отъ 3-го ноября 1767 года, изъ архангельской губернской канцеляріи, дополнительныхъ допросовъ и очныхъ ставокъ, генераль-прокуроръ князь Вяземскій приступилъ къ составленію высочайшаго указа, для котораго основа написана была самою императрицею, и который вчернѣ, въ проектѣ генераль-прокурора Вяземскаго, еще разъ исправленъ былъ государынею (указъ состоялся 20-го декабря 1767 года).

Послѣ полученія допросовъ и очныхъ ставокъ, была составлена записка императрицѣ; она была напечатана въ Чтеніяхъ (1862 г., кн. II, стр. 165—172), но съ ошибками. Записка эта есть не болѣе и не менѣе какъ эстрактъ, составленный по допросамъ и очнымъ ставкамъ, винамъ Арсенія и его продерзостнымъ разглашеніямъ.

Сущность указа, отъ 20-го декабря 1767 г., состоитъ въ томъ, что, хотя Арсеній за всѣ вышеупомянутыя преступленія, по слѣдъ государственныхъ правъ, подлежалъ не только жестокому истязанію, но и лишенію жизни; но какъ его разглашенія не произвели желаемого имъ, по его злости, вреда, а остались тщетны, то е. и. в. указала, изъ одного человѣколюбія и милосердія, отъ истязанія и казни его избавить, оставляя остатки дней его единственно на покаяніе о сдѣланномъ имъ злѣ и лукавствѣ. А чтобъ и впредь отъ него такихъ зловредныхъ разглашеній, по его злему обыкновенію, происходитъ не могло, а тѣмъ болѣе, чтобъ отъ такихъ злостныхъ разсѣваній легкомысленные люди не впадали въ тяжкія преступленія, какъ это уже и случилось, лишить его монашескаго чина, и, переименовавъ Андреемъ Вралею, послать къ несходному житію въ Ревель.

Въ этомъ-же указѣ вспомнились и прошедшія его Арсенія вины, какъ онъ забылъ всѣ монаршія милости покойной государыни Елисаветы Петровны и то, что дважды она его изволила простить въ дерзкихъ его и тогда уже поступкахъ, а удовольствовалась тѣмъ, что ему выговоръ былъ сдѣланъ, въ присутствіи въ синодѣ, а потомъ отъ него взята была подписка о неписаніи впредь продерзостныхъ писемъ (у г. Чистовича: письменъ).

Въ указѣ отъ 20-го декабря 1767 г. сказано, во-первыхъ, что Арсеній при монахахъ и при постороннихъ говорилъ такія слова, что императрица Екатерина II есть не природная наша государыня, что она не тверда въ законѣ и что не ей надлежало при-

нять престолъ, а Ивану Антоновичу; что лучше-бъ было государынѣ выйти замужъ за этого принца, нежели думать о супружествѣ съ гр. Орловымъ, на которое она не рѣшилась, увидѣвъ сопротивленіе сената; въ первомъ-же пунктѣ воспоминается о его первомъ доношеніи, которымъ онъ оказалъ къ освященнѣйшей особѣ е. и. в. крайнюю ненависть и злобу, наполня то доношеніе возмутительными изъясненіями, и яко ослушникъ верховной власти и оскорбитель величества, подлежалъ-бы смертной казни, но отъ оной былъ избавленъ, по природному е. и. в. милосердію; во-вторыхъ, онъ Арсеній разсѣвалъ о наслѣдникѣ російскаго престола, великомъ князѣ, Павлѣ Петровичѣ, что онъ боленъ неизлѣчимо и что въ немъ къ правленію надежды нѣтъ; не за кого больше будетъ принятыя, какъ за братьевъ Ивана Антоновича: они царской крови. Въ третьихъ, бывшаго государя, Петра III императрица Елисавета не любила, говорилъ Арсеній, и не хотѣла сдѣлать его своимъ преемникомъ, для того именно и Ивана Антоновича привезли поближе, чтобъ онъ послѣ нея престолъ принялъ. Не можетъ быть, (восклицалъ Арсеній, узнавъ о смерти принца), чтобъ Мировичъ вздумалъ одинъ приступить къ такому дѣлу, вѣрно онъ имѣлъ много и большихъ господъ своими союзниками. Для открытія истины его надлежало-бы пытати, а бывшихъ у принца на караулѣ офицеровъ должно-бы казнить за пролітіе царской крови. Читая однажды житіе Кирилла новозерскаго, Мацѣвичъ пророчествовалъ: въ Россіи будутъ царствовать двое юношей, которые водворятъ въ ней благочестіе, изгонятъ турковъ изъ Европы, завоюютъ Грецію. Первымъ царемъ будетъ его высочество Павелъ I-й, а вторымъ братъ принца Ивана Антоновича Петръ, содержавшійся въ Холмогорахъ. Послѣ, однако-жъ, Арсеній, забывая свое пророчество, говорилъ архимандриту, что у насъ въ Россіи не берегутъ законныхъ наслѣдниковъ и съ смертію Петра II царскій родъ пресѣлся; что Петръ III былъ не настоящій, такъ какъ прежде исповѣдывалъ другой законъ. Въ четвертыхъ, Арсеній говорилъ, явобы церковь разграбили и своихъ пастырей называлъ предателями. Главною постоянною мыслью Арсенія въ Корельскомъ монастырѣ было негодованіе на синодъ. Онъ увѣрялъ, что въ иныхъ обителяхъ уже и пива сварить не изъ чего; что прежніе цари всегда обогащали церковь, а нынѣшніе разграбили ее, обобравъ даже сосуды, обмѣнявъ серебряную утварь на оловя-

ную: „въ Россіи то дѣлають, что не видано и у турокъ: у нихъ Содомъ и Гоморъ, и все есть дѣло духовныхъ предателей новгородскаго Димитрія и петербургскаго Гавріила. Въ пятыхъ, онъ, Арсеній, показаннымъ по дѣлу людямъ, ложно разглашалъ и увѣрялъ, что прежнія его доношенія были правильныя, равняя себя въ терпѣніи за истинну Златоусту. И государыня не тверда въ законѣ и русскихъ обычаевъ не вѣдаетъ, говорилъ онъ; что бояре поднесутъ, то и подписываетъ. Вотъ и меня сослала, но будетъ судиться на страшномъ судѣ—вѣдь и Златоустъ былъ сосланъ въ заточенье царицею“. Въ пятыхъ, въ вину Арсенію поставлено и то, что онъ, будучи лишень архіерейскаго сана, осмѣлился, безъ архіерейскаго благословенія, въ Николаевскомъ монастырѣ, яко ссыльной, сказывать публично въ церкви проповѣди.

Вотъ всѣ доказанныя, по указу 20-го дек. 1767 г., преступленія Арсенія, за которыя приказано лишить его монашескаго чина; для снятія жъ съ него камилавки и всего монашескаго одѣянія призвать въ архангельскую губернскую канцелярію духовную персону и велѣть его ростричь и одѣть въ мужичье платье; по ростриженіи же переименовать его Андреемъ Вралемъ и послать къ ревельскому оберъ-коменданту, гдѣ и велѣть его, Враль, содержать въ тамошней крѣпости, въ одномъ казематѣ, подъ крѣпкимъ карауломъ, не допуская къ нему, ни подъ какимъ видомъ, не только для разговоровъ, но ниже для посмотрѣнія, никого, и, однимъ словомъ, такъ его содержать, чтобъ и караульные не только о состояніи его, но ниже и о семъ гнусномъ имени не знали, о чемъ, сочини особо инструкцію, послать къ тому оберъ-коменданту; для содержанія жъ его въ караулъ опредѣлить тамошняго гарнизона изъ состоящихъ иноземцовъ; въ той же инструкціи написать, что комендантъ долженъ неослабно смотрѣть, чтобъ онъ, Враль, содержанъ былъ неослабно, для того, что оной Враль наполненъ, сверхъ его злости, еще и ложною святостію; и дабы онъ не могъ, въ дорогѣ будучи, по слабости караульныхъ, чинить таковыхъ же разглашеній, то послать для взятія его изъ архангельской губернской канцеляріи сенатскихъ ротъ майора Тулзакова (самъ же онъ пишетъ свою фамилію Тоузаковъ) и при немъ солдатъ трехъ человекъ и одного капрала, коему приказать, чтобъ онъ, по взятіи его оттуда, ѣхалъ отъ города въ Вологду, куда прибывъ, ожидалъ бы дальнѣйшаго повелѣнія, а въ Вологду командировать отсюда другого офицера

и одного капрала и солдатъ трехъ человѣкъ, съ тѣмъ, чтобъ, по прибытіи Тулзакова въ Вологду, взявъ онъ состоящаго у него арестанта и, не называя никакимъ именемъ, везъ прямо въ Ревель, объѣхавъ, какъ возможно, Петербургъ; а по прїѣздѣ того арестанта, отдалъ бы показанному оберъ-коменданту; для того онымъ Тулзакову и офицеру дать особыя инструкціи.

Когда объявили Арсенію высочайшій указъ и снимали съ него монашескій санъ, онъ не произнесъ ни одного слова.

Отъ Архангельска до Ревеля сопровождали его двѣ перемѣнными команды. Смына назначена была въ Вологдѣ. Въ инструкціи конвойному офицеру наказано было везти его секретно и никому не показывать, и для того везти его закрывши въ санихъ, разговоровъ никакихъ съ нимъ не имѣть, также и о имени, и о состояніи его ни подъ какимъ видомъ не спрашивать и писемъ писать колоднику не давать. На инструкціи, данной Тулзакову, е. и. величество противъ третьяго пункта собственноручно приписала: „платье, бѣлье и шубу велите ему дать, и впрочемъ велите съ нимъ обходить (вм. обходиться) безъ грубости, чего (вм. что) написать надобно во всѣхъ трехъ инструкціи“ (вм. инструкціяхъ). Въ черновомъ предложеніи князя Вяземскаго, при посылкѣ указа отъ 20-го декабря 1767 года, архангелогородской губернской канцеляріи также, между прочимъ, предписывается оной губернской канцеляріи дать ему, ростригѣ, бѣлье, платье, тако-жъ и шубу и дорожные крытые рогожею сани. Въ черновомъ ордерѣ, посланномъ княземъ Вяземскимъ въ тѣхъ же числахъ, прокурору Нарышкину предписывается, по высочайшему е. и. в-ва повелѣнію, взять изъ Никольскаго Корельскаго монастыря и прислать къ нему, князю Вяземскому, панагію, которая отъ Андрея Браля была подарена бывшему архимандриту Антонію, положиа ее въ удобный ящичекъ, запечатать и прислать ко мнѣ при случившейся оказіи, и ежели успѣть можно, то съ сего (т. е. ордера) подателемъ; также что, при отправленіи показаннаго Браля, хотя взять и велѣно, но какъ въ предложеніи моемъ о шапкѣ и чулкахъ ничего не сказано, то прикажите, по имѣющемуся зимнему времени, купить теплыя чулки, а хотя и двой, тако-жъ шапку и овчинное одѣяло, дабы онъ въ заключенное мѣсто безъ нужды могъ привезенъ быть; предписанное отъ меня въ предложеніи чтеніе указа бывшему монаху Арсенію читать въ присутствіи не всей гу-

бернской канцеляріи, но только тѣхъ, кои при производствѣ его дѣла были; есть ли же какое отъ него слово враное произойдетъ, въ такомъ случаѣ, не останавливаясь онаго отправленіемъ, по предложенію моему, губернской канцеляріи исполнять, а ко мнѣ только обо всемъ подробно описать.

Первый конвойный офицеръ, майоръ Иванъ Тоузаковъ, прошедшаго 1767 году, декабря 21-го дня, во исполненіе данной ему отъ князя Вяземскаго инструкціи, отправясь въ назначенный ему путь того жъ числа, 27-го по полуночи въ пятомъ часу въ городъ Архангельскій прибылъ и посланный съ нимъ секретный пакетъ господамъ присутствующимъ и прокурору подалъ, а 28-го того жъ декабря, получа отъ нихъ одного неизвѣстнаго колодника, по полуночи въ 11-мъ часу отправился жъ, исполняя въ пути все то, что предписано ему въ инструкціи, въ Вологду, куда сего 768 году генваря 1-го числа по полуночи въ 9-ть часовъ прибывъ и получа отъ князя Вяземскаго, чрезъ находившагося тамъ лейбъ-гвардіи капитана поручика Налку (вм. Нолькена), ордеръ, въ силу котораго того-жъ часа показаннаго колодника оному господину капитану Налкѣ (вм. Нолькену) съ роспискою отдалъ, коя приложена при семъ (репортѣ), и того-жъ часа оттуда (изъ Вологды) выѣхалъ, и сего числа, по полуночи въ 9-мъ часу (т. е. генваря 3-го дня, 1768 года), въ Москву благополучно и съ командою прибылъ и явился къ генераль-прокурору. Росписка Нолькена состояла въ томъ, что 1768 года, генваря 1-го дня онъ, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка капитанъ-поручикъ Христофоръ фонъ Нолькенъ, отъ сенатскихъ ротъ господина майора Тоузакова принялъ одного неизвѣстнаго колодника со всѣмъ, что при немъ есть.

Въ Вологдѣ смѣнилъ Тоузакова другой офицеръ, Христофоръ фонъ-Нолькенъ, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку капитанъ, и сопровождалъ арестанта до Ревеля. Нолькену на пути изъ Вологды приказано было миновать, какъ возможно, Петербургъ. По прибытіи въ Ревель, онъ долженъ былъ сдать арестанта, не останавливаясь нигдѣ, прямо оберъ-коменданту и взявъ отъ него письмо, съ которымъ и явиться въ Москву съ своею командою къ генераль-прокурору. Все исполнено было по приказанію.

8-го января 1768 года ревельскій оберъ-комендантъ фонъ Тизенгаузенъ рапортовалъ въ С.-Петербургъ, что привезенный

человѣкъ принять имъ и въ казематъ ¹⁾ посаженъ и гарнизонный офицеръ съ надлежащею командою для караула его опредѣленъ. Тутъ же Тизенгаузенъ извѣщалъ Вяземскаго, что секретный бѣлый указъ отъ его сіятельства къ нему, отправленный изъ Москвы прошедшаго декабря отъ 22-го дня, въ Ревель онъ 8-го генваря 1768 года, пополудни въ 6-мъ часу, по пробитіи вечерней тапты (зари), чрезъ офицера получилъ, и притомъ инструкцію на его имя, всемилостивѣйше утвержденную отъ е. и. в-ва.

Въ то же время отъ генерала прокурора, князя Вяземскаго, предложено ревельской губернской канцеляріи отпускать изъ оной доходовъ, по требованіямъ фонъ Тизенгаузена, въ каждой годъ по сту по восьмидесяти по четыре рубля по семьдесятъ копѣекъ, для нѣкоторыхъ извѣстныхъ его превосходительству расходовъ. Нолькену же, привезшему Андрея Вралья въ Ревель, за подписомъ оберъ-коменданта, фонъ Тизенгаузена, 8-го генваря 1768 г., выданъ былъ паспортъ, отъ Ревеля до Москвы, и подорожная.

Въ инструкціи, данной отъ е. и. в-ва оберъ-коменданту Тизенгаузену, предписывалось, какъ скоро означенной колодникъ будетъ привезенъ въ Ревель однимъ офицеромъ, то его тотчасъ принять самому оберъ-коменданту и весьма секретно посадить его въ приготовленный казематъ. Для содержанія его, подъ крѣпкимъ карауломъ, опредѣлить надежнаго оберъ-офицера и солдатъ трехъ человѣкъ, остерегая офицера и солдатъ, чтобъ весьма остерегались съ нимъ болтать, ибо сей человѣкъ великій лицемеръ, и легко ихъ можетъ привести въ пристрастіе, а всего лучше чтобъ оныя караульные не знали русскаго языка. Караульнымъ наискрѣпчайше приказано, чтобъ они его изъ каземата ни для чего не выпускали, да и къ каземату-бъ близко никого не допускали, дабы никто кромѣ караульныхъ видѣть его не могъ; писемъ писать ни подъ какимъ видомъ ни къ кому не допускать, для чего пера, чернилъ, карандаша, бумаги, бересты и, однимъ словомъ, всего того, чѣмъ только писать можно, не только ему не давать, но и въ казематѣ отнюдь того не держать; разговоровъ съ нимъ караульнымъ отнюдь никакихъ не имѣть. Настрожайше ему запрещено говорить, съ такимъ при томъ прещеніемъ, что если онъ еще станетъ что либо говорить, то положенъ бу-

¹⁾ Генералу инженеру Муравьеву по командѣ писано, отдать одинъ казематъ изъ инженернаго въ военное вѣдомство.

дѣть ему въ ротъ вляпъ, котораго отнюдь однако въ ротъ ему не влать, а имѣть его только въ казематѣ для одного ему страха (въ „Чтеніяхъ“ напечатано: въ карманѣ, вм. казематѣ). На пропитаніе ему въ день производить по 10-ти копѣекъ, тако-жъ, чтобъ онъ имѣлъ платье, бѣлье и шубу, караульнымъ приказать съ нимъ обходиться безъ грубости, однако жъ денегъ въ руки ни одной копѣйки ему не давать, а велѣтъ караульному офицеру деньги имѣть у себя и покупать ему пищу, не превосходя однако положенной дневной порціи. О колодникѣ приказано въ инструкціи увѣдомлять князя Вяземскаго каждый мѣсяць.

8-го генваря оберъ-комендантъ Тизенгаузенъ принялъ въ казематъ Андрея Вралья, а 9-го генваря 1768 г. далъ секретнѣйшую отъ себя инструкцію находящемуся у содержанія безвѣстнаго колодника, ревельскаго гарнизона прапорщику, Григорью Густелеву. Въ первомъ пунктѣ повторяется инструкція, данная Тизенгаузену; во второмъ пунктѣ инструкціи высказывается, что на пропитаніе ему, Вралю, въ день производить по десяти копѣекъ, которыя деньги онъ (Густелевъ) имѣетъ требовать отъ капитана Бирюкова и получать съ роспискою; въ третьемъ пунктѣ сказано въ инструкціи Густелеву: есть-ли оной Враль тяжело заболитъ и будетъ требовать россійскаго священника, о томъ тотчасъ къ оберъ-коменданту репортовать. Начальнику на караулѣ, по четвертому пункту инструкціи, выдавать по пятнадцати, а унтеръ-офицерамъ или солдатамъ каждому по пяти копѣекъ на день порціонныхъ денегъ, но какъ сія дача назначена караульнымъ только тремъ человѣкамъ, а оберъ-комендантомъ по усмотрѣнной надобности, съ унтеръ-офицеромъ опредѣлено четыре человѣка, и потому у начальника и солдатъ для унтеръ-офицера убавлено по одной копѣикѣ въ день, и такъ имѣетъ быть производимо яко начальнику по четырнадцати копѣекъ, а унтеръ-офицеру и солдатамъ по четыре копѣйки въ день и оныхъ денегъ себѣ и на раздачу унтеръ-офицеру и солдатамъ требовать отъ капитана Бирюкова помѣсячно, а свѣчи въ натурѣ въ каждой день.

Въ пятомъ пунктѣ инструкціи сказано: на топлєніе каземата дрова получать отъ экономіи изъ сборныхъ по воротамъ, а платье на колодника велѣтъ мыть караульнымъ, не давая знать о рубахахъ и портахъ его постороннимъ. Въ шестомъ пунктѣ говорится: въ какомъ состояніи оной колодникъ находится будетъ, оберъ-коменданта въ каждой день по утру ре-

портовать, а о нужномъ дѣлѣ того жъ часу. Въ заключеніе инструкции замѣчается: какъ сія комиссія вѣрнется вамъ вслѣдствіе высочайшаго е. и. в-ва соизволенія, то имѣете поступать во исполненіе сей инструкции непремѣнно, въ чемъ полагается на васъ, какъ вѣрнаго е. и. в-ва раба и присяжнаго офицера. Подлинная подписана Фабіаномъ фонъ-Тизенгаузенемъ 9-го ген. 1768 года.

V.

По указу же 20 декабря 1767 года, архимандритъ Николаевскаго Корельскаго монастыря Антоній обвинялся въ томъ, 1) что онъ показаннаго бывшаго монаха Арсенія содержалъ въ противность насланнаго къ нему изъ святѣйшаго синода указа весьма слабо; 2) слыша онъ отъ него возмутительныя и непристойныя разглашенія, не только, по долгу присяги своей, на него о томъ не доносилъ, но нѣкоторымъ важнымъ и вымышленнымъ разглашеніямъ вѣрилъ и истинными поставлялъ; 3) допускалъ его, Арсенія, какъ содержащагося колодника, въ противность правилъ святыхъ отецъ, сказывать публично въ церкви проповѣди; 4) водилъ къ оному Арсенію въ келью постороннихъ людей, въ противность показаннаго синодскаго указа; 5) исполнялъ того Арсенія повелѣнія, да іеромонахамъ тоже чинить приказывалъ, то-есть на проскомидіи по арсеньевой запискѣ поминали о обидящихъ яко-бы церковь; 6) имѣлъ съ Арсеніемъ не такъ какъ съ ссыльнымъ, но какъ съ другомъ своимъ дружеское обхожденіе и цѣловалъ у него руки, называлъ его преосвященнымъ; 7) приобщалъ его въ противность правилъ святыхъ отецъ у престола, а не такъ, какъ простаго монаха; 8) бралъ съ онаго Арсенія взятки; 9) какъ полученъ былъ имъ, Антоніемъ, при указѣ о поминаненіи царскихъ фамилій реестръ, то, по прочтеніи того реестра, при братіи, говорилъ: пускай де по реестру поминають тѣ, кто больше жалованья беретъ, а мы де поминать будемъ помѣсячно; 10) при слѣдствіи же показывано на него, что монахъ Батоговъ, пришедъ къ нему, Антонію, съ объявленіемъ на іеродіавона Лебедева, что онъ хочетъ доносить по первому и второму пунктамъ, то онъ, Антоній, яко-бы того Лебедева не только, куда по указомъ надлежитъ, не арестовалъ, но еще и билъ его безвинно, а потомъ и посадилъ на цѣпь, а наконецъ и предалъ сіе молчанію, въ чемъ хотя онъ, Антоній, и не признался, но, однако, тѣсная его съ Арсеніемъ дружба, и собствен-

ныя его преступленія наводятъ на него подозрѣнія, что не признается единственно по злобѣ на Лебедева за учиненный имъ на него доносъ и желая онымъ своимъ заpiresательствомъ того Лебедева сдѣлать виновнымъ, впрочемъ же во всемъ, какъ по дѣлу ясно, самъ онъ, Антоній, винылся; по правамъ государственнымъ достоинствъ, какъ сообщникъ показаннаго возмутителя Арсенія, и преступникъ указовъ, лишенія живота, но поелику сн его преступленія, какъ изъ дѣла видно, произошли отъ него, хотя главнѣйшее изъ лихоимства, но однако-жъ, по обольщенію отъ Арсенія притворною его святостію, а притомъ и то, что объять былъ всегдашнимъ пьянствомъ, какъ то уже и сообщникъ его Арсеній тѣмъ его уличалъ, то въ разсужденіи сего, а тѣмъ болѣе изъ одинаго е. и. в-ва милосердія отъ казни его избавить, а за всѣ описанныя его преступленія и дабы онъ упоенною Арсеніемъ злостью и ненавистію къ правительству и престолу не могъ впредь каковыхъ вредныхъ дѣлать разглашеній, а паче между легкомысленнаго народа и возмущенія, лиша его архимандрическаго достоинства и описавъ его вины, послать къ епархіальному архіерею съ тѣмъ, чтобъ онъ, будучи уже свѣдомъ о его преступленіяхъ, учинилъ съ нимъ такое опредѣленіе: 1) чтобъ никогда не возводимъ былъ ни на какое начальство; 2) чтобъ не могъ онъ напоенною отъ Арсенія злостію другихъ уловлять, ниже дѣлать какія либо непристойныя разглашенія; а 3) и о содѣянныхъ имъ преступленіяхъ имѣлъ случай приносить покаянiе, однако-жъ, по человѣколюбію е. и. в-ва, тѣлеснаго наказанія ему, Антонію, не чинить.

21 декабря 1767 года, князь Вяземскій писалъ архангельскому преосвященному Іоасафу объ архимандритѣ Антоніи: „По высочайшему е. и. в-ва указу, бывшаго въ Николаевскомъ Корельскомъ монастырѣ архимандрита Антонія, изъ архангелогородской губернской канцеляріи, велѣно, съ описаніемъ вины его, отослать, для учиненія за тѣ его вины опредѣленія, къ вашему преосвященству, а какъ е. и. величеству благоугодно вѣдать, какое ваше преосвященство объ немъ опредѣленіе учинить изволите, то покорно прошу, для донесенія ея величеству, объ ономъ ко мнѣ отписать“.

31 декабря 1767 года, Іоасафъ, епископъ архангелогородскій, секретно донесъ генераль-прокурору князю Вяземскому, что декабря 27-го 1767 года, со объявленіемъ высочайшаго е. и.

в-ва, о бывшемъ Николаевскаго Корельскаго монастыря архимандритѣ Антоніи, повелѣнія, чтобы онъ, изъ архангельской губернской канцеляріи, со описаніемъ его винъ, отосланъ былъ для учиненія за его вины и опредѣленія ко мнѣ, письмо отъ вашего сіятельства получилъ, и помянутый бывой архимандритъ Антоній ко мнѣ, изъ оной канцеляріи, декабря 30-го дня, при письменномъ сообщеніи его винъ съ прописаніемъ, присланъ; за сѣку высочайшаго е. и. в-ва повелѣнія, помянутый Антоній ни на какое начальство возводимъ не будетъ, и для наказанія посланъ онъ въ архангельскій монастырь въ братство, гдѣ и быть ему безъисходно, и о содѣянныхъ своихъ преступленіяхъ отъ Создавшаго насъ просить прощенія, а чтобы онъ не могъ напоенною отъ Арсенія злостію другихъ уловлять, ниже дѣлать какихъ либо непристойныхъ разглашеній, то опредѣленъ къ нему того-жъ монастыря служитель, коему велѣно быть при немъ безъотлучну и никого къ нему не допускать; пера, чернилъ и бумаги не давать; чего всего къ помянутаго монастыря архимандриту Даніилу накрѣпко смотрѣть отъ меня приказано; да и я, по долгу моему вѣрноподданническому, всегщательно надсматривать обязуюсь.

По указу 20-го декабря 1767 г., подпрапорщикъ Семень Алексѣевской обвиненъ за то: 1) что онъ въ противность данной ему инструкціи содержалъ монаха Арсенія весьма слабо, то-есть допускалъ къ нему постороннихъ; 2) слыша отъ Арсенія возмутительныя непристойныя слова, не только онъ, по долгу присяги своей, не донесъ, но и самъ слыша отъ показаннаго по дѣлу мастерового Быкова вымышленныя важныя слова Арсенію сказывалъ, сверхъ сего: 3) данной ему о содержаніи Арсенія инструкціи команды своей солдатамъ не показывалъ умышленно для того, чтобы они, увидѣвъ неисполненіе по той инструкціи, не могли на него донести; 4) какъ ему іеродиавонъ Лебедевъ совѣтывалъ доносить на Арсенія, то онъ, Алексѣевской, не только того не послушалъ, но еще и Лебедеву о томъ доносить запрещалъ; 5) всѣ жъ сіи преступленія онъ, Алексѣевской, чинилъ не отъ простоты, но единственно изъ взятковъ съ Арсенія, въ чемъ во всемъ онъ, Алексѣевской, виноватъ; по правамъ государственнымъ, достоинъ тяжкому жъ, яко сообщникъ Арсенію, осужденію, но какъ изъ дѣла довольно видно, что онъ во всѣ описанныя преступленія впалъ по оболыщенію чрезъ подарки отъ Арсенія,

а притомъ, видя своего главнаго начальника, т. е. Антонія, у коего онъ въ точной командѣ находился, съ Арсеніемъ въ тѣсной дружбѣ, что и было ему дѣйствительно поводомъ къ неисполненію данной ему инструкціи, то въ разсужденіи сего, а тѣмъ болѣе, изъ единого е. и. в-ва милосердія, отъ тяжкаго по законамъ осужденія его избавить, а за сіи учиненныя имъ преступленія и чтобъ о слышанныхъ имъ отъ Арсенія возмутительныхъ словахъ разглашаемо не было, то написать его въ сибирской гарнизонъ въ солдаты съ тѣмъ, что если онъ, Алексѣевской, по прошествіи полугода, тамошнимъ командиромъ усмотрѣнъ будетъ въ хорошемъ поведеніи, то можетъ оной командиръ и въ другіе чины его производить, однако-жь изъ Сибири его не отлучать и не отпускать, и въ отставку не отставлять.

Отъ 31 декабря 1767 года, архангельская губернская канцелярія, во всепокорнѣйшемъ секретномъ рапортѣ князю Вяземскому, между прочимъ, доносила, что подпрапорщикъ Алексѣевской, по объявленіи ему высочайшаго е. и. в-ва повелѣнія, написанъ въ солдаты и для опредѣленія въ сибирскій гарнизонъ отправленъ архангелогородскаго гарнизона съ поручикомъ Мятиннымъ, на почтовыхъ подводахъ, съ подлежащею командою.

Иеромонахъ Іосифъ Юрьевъ обвинялся въ томъ, что, яко-бы слыша онъ въ Холмогорахъ отъ солдатъ о Антоновыхъ дѣтахъ (т. е. о дѣтахъ герцога Антона Брауншвейгскаго), Арсенію и іеродіакону Лебедеву, разглашая, сказывалъ, а по сему показалъ себя рассвѣвателемъ ложныхъ разглашеній, да еще и содержащемуся за вины колоднику, а чрезъ то и подаетъ неоспоримое сумнѣніе, что и онъ, такъ какъ и Алексѣевской, имѣлъ къ Арсенію преданность и дружбу, достоинъ наказанія, но какъ болѣе сего преступленія за нимъ по дѣлу не оказалось, то отъ онаго его избавить, а чтобъ онъ впредь такихъ и сему подобныхъ рассвѣваній чинить не отваживался, лиша его іеромонашескаго чина, послать монахомъ простымъ къ пребыванію въ Николаевскій Корельскій монастырь, гдѣ давать ему пропитаніе по штатному положенію противъ простаго монаха; что же хотя онъ, Іосифъ, въ поминавіи на проскомидіи о обидящихъ церковь и оказался виновнымъ, но въ семъ случаѣ извинить его можно тѣмъ, что онъ сіе чинилъ, исполняя повелѣніе начальника своего Антонія; почему оное, какъ ему, равно и іеромонаху Григорію, ко-

торый такое же поминовленіе на проскомидіи чинилъ, въ вину кажется причестъ невозможно, тѣмъ болѣе, что имъ обомъ архимандритъ гонителей церкви, кого разумѣлъ, не назначилъ.

Въ репортѣ отъ архангельской губернской канцеляріи, отъ 31 декабря 1767 г., князю Вяземскому, говорится, между прочимъ: іеромонахъ Іосифъ Юрьевъ, по объявленіи ему подлежащаго, съ лишеніемъ монашескаго чина, простымъ монахомъ къ пребыванію въ Николаевскомъ Корельскомъ монастырѣ отосланъ въ архіерею.

Іеромонахъ Григорій оказался виновнымъ по указу отъ 20 дек. 1767 г., что, слыша онъ отъ Арсенія публично сказанныя въ церкви проповѣди, нигдѣ о томъ не донесъ, за что и достоинъ осужденія; но какъ онъ по сему дѣлу въ другомъ преступленіи, кромѣ сего, не оказался, а къ тому-жъ и содержался довольное время подъ карауломъ и вмѣнить сіе содержаніе ему въ штрафъ и отпустить въ монастырь попрежнему.

Въ рапортѣ, отъ 31 декабря 1767 г., князю Вяземскому архангельская губернская канцелярія доносила между прочимъ и о томъ, что іеромонахъ Григорій, по объявленію подлежащаго, вмѣня въ штрафъ содержаніе его подъ карауломъ, для пребыванія въ монастырѣ попрежнему, отосланъ, при сообщеніи, къ архіерею.

Солдаты Григорій Кустовъ, Тихонъ Черкасовъ, Сила Уховъ и Анфилохій Порохинъ, за слабое ими будучи на караулѣ при Арсеніи смотрѣніе, а особливо изъ нихъ Черкасовъ, слыша отъ Лебедева, о говореніи Арсеніемъ непристойныхъ словъ на онаго Лебедева не доносилъ, а, разглашая, сказывалъ объ оныхъ словахъ Кустову; но и Кустовъ объ ономъ не доносилъ же,—достойны наказанія, но какъ они въ сіи преступления впали отъ незнанія данной Алексѣевскому инструкціи, а не меньше и потому, что Алексѣевской, какъ ихъ командиръ, показывалъ при нихъ Арсенію свою преданность, то сего ради, а паче изъ единаго е. и. в-ва милосердія, отъ наказанія ихъ избавить, а какъ, можетъ быть, и они всѣ напоены разглашеніями отъ Арсенія о его ложной святости, то во избѣжаніе могущихъ иногда быть отъ нихъ разглашеній, послать ихъ всѣхъ въ Пустозерскъ, гдѣ и велѣтъ ихъ опредѣлить въ тамошнюю

военную команду, и оттуда ихъ не отлучать а притомъ тамошнему командиру приказать имѣть за ними неослабное примѣчаніе.

Въ репортѣ отъ 31 декабря значится: солдаты Кустовъ, Уховъ, Черкасовъ и Порохинъ, по объявленіи имъ подлежащаго, сосланы всѣ, подъ карауломъ архангелогородскаго гарнизона, съ сержантомъ Горневымъ и съ командою въ Пустозерскъ, гдѣ и велѣно опредѣлить въ тамошнюю воинскую штатную при канцеляріи команду, коя безъотлучно тамъ состоитъ, и оттуда ихъ не отлучать, о чемъ къ комиссару Черезову посланъ указъ, дабы онъ имѣлъ за ними неослабное примѣчаніе; есть ли какія худыя поведенціи усмотрить, о томъ бы немедленно репортовалъ въ губернскую канцелярію, а объ выключѣѣ, какъ оныхъ солдатъ, такъ и подпрапорщика Алексѣевскаго, изъ архангельскаго гарнизона, къ г. архангельскому оберъ-коменданту Ганзеру, изъ губернской канцеляріи указъ посланъ.

Монастырской слуга Егоръ Сухорукъ и іеромонахъ Феофанъ хотя въ списываніи ими показанной по дѣлу о поминовеніи обидящихъ церковь записки и доказаны, но сіе имъ по справедливости въ вину причестъ не можно; ибо они сіе учинили не собою, но по приказу своего начальника, т. е. архимандрита, и не зная употребленія, и посему ихъ обоихъ освободить и отпустить попрежнему въ монастырь. Монастырской слуга Егоръ Сухорукъ и іеромонахъ Феофанъ, по репорту архангельской губернской канцеляріи отъ 31-го декабря 1767 г., по объявленіи имъ подлежащаго, освобождены и для опредѣленія попрежнему въ монастырь отосланы, при сообщеніи, къ архіерею.

Игумень Игнатій (такъ въ указѣ отъ 20-го дек. 1767 г. игумень названъ ошибкою вмѣсто Геннадій) за то, что слыша онъ отъ Антонія о непоминеніи царскихъ фамилій по реестру и о говореніи тѣмъ Антоніемъ дерзкихъ въ винахъ его, Антонія, показанныхъ словъ, тако-жь, видя онъ, Геннадій, сказываніе проповѣдей Арсеніемъ, нигдѣ о томъ не доносилъ, достоинъ осужденія; но какъ онъ по сему дѣлу въ другомъ никакомъ преступленіи не оказался, то отъ онаго его, Геннадія, избавить, а вмѣнить ему въ наказаніе бывшее по сему слѣдствію подъ карауломъ содержаніе и, изъ подъ караула, свобода, отпустить въ монастырь попрежнему.

Геннадій, по объявленію ему подлежащаго и вмѣни содержаніе подъ карауломъ въ наказаніе, изъ подъ караула свободенъ и, для отсылки его въ монастырь, попрежнему отосланъ къ архіерею, при сообщеніи.

Освобожденныхъ изъ архангельской губернской канцеляріи іеромонаховъ Игнатія, Іосифа Гоголева, дьячка Коротаева (въ репортѣ губ. канц. Коротнева), протопопа Ивана Федорова, коихъ по дѣлу винъ никакихъ не оказалось, болѣе въ губ. канцелярію не сыскивать и о неотлученіи ихъ отъ своихъ должностей имѣеть разрѣшить, о чемъ и къ архіерею сообщено.

Іеродіаконъ Іоасафъ Лебедевъ за то, что, слыша онъ отъ Арсенія непристойныя слова въ свое время не донесъ, а, разглашая, сказывалъ солдату Черкасову, достоинъ по законамъ наказанію; но какъ изъ дѣла видно, что всѣ показаннаго преступника Арсенія дерзости открылись, по причинѣ объявленія его монаху Батогову, почему уже и заключить можно, что онъ Арсенію соучастникомъ не былъ; то посему отъ наказанія его избавить; а поелику онъ, Лебедевъ, человѣкъ не весьма порядочнаго поведенія, то въ показанной монастырь его не посылать, а опредѣлить его въ другой монастырь въ братство и ни на какое начальство его не возводить и приказать начальнику имѣть за нимъ смотрѣніе, чтобъ онъ конечно отъ пьянства былъ воздерживанъ.

Въ репортѣ отъ 31 декабря 1767 г. сказано: іеродіаконъ Лебедевъ, по объявленіи подлежащаго, отосланъ къ архіерею, и по указу преосвященнаго посланъ въ Троицкій Антоніевъ Сійскій монастырь къ архимандриту Гавріилу за карауломъ и отданъ съ роспискою 1768-го года, 6-го января.

Монахъ Батоговъ оказался подозрителенъ только въ томъ, что въ допросѣ показывалъ, яко-бы онъ архимандриту Антонію сказывалъ, что Лебедевъ на него доносить хочетъ по первому пункту, но архимандритъ о семъ не признался, да и свидѣтели о томъ не показали, почему и остался онъ въ томъ показаніи виновенъ, за что-бъ и подлежалъ наказанію, но какъ сіе слѣдующееся дѣло начало свое взяло чрезъ доносъ его, Батогова, то въ разсужденіи сего отъ наказанія его избавить и опредѣлить попрежнему въ Николаевскій монастырь.

Въ рапортѣ отъ 31-го дек. 1767 г. сказано: монахъ Батоговъ, по объявленіи ему подлежащаго, отосланъ для опредѣле-

нія попрежнему въ Николаевскій Корельскій монастырь, къ архіерею. И. А. Чистовичъ ошибается, когда говорить, въ своей статьѣ, что монахъ Батоговъ былъ переведенъ въ другой монастырь (см. „День“, 1862 г., № 15).

Во исполненіе высочайшаго Е. И. В. повелѣнія, объявленнаго въ предложеніи отъ князя Вяземскаго отъ 21-го декабря 1767 г., полученнаго въ архангельской губернской канцеляріи 27-го декабря, іеродіакону Лебедеву и монаху Батогову, по неимуществу ихъ, каждому по сту рублей изъ статскихъ доходовъ, записавъ въ расходъ, съ роспискою выдать опредѣлено.

Капитанъ Римской-Корсаковъ, слыша отъ Антонія про Арсенія, что его содержать велѣно подъ крѣпкимъ карауломъ, однако не только его навѣщать, но и письма къ нему писать отважился, при чемъ въ тѣхъ письмахъ изъявлялъ къ нему свою отчѣнную преданность и почтеніе, а чтобъ далѣе съ онымъ Арсеніемъ имѣть непозволенное дружество, то за то Антонія подарилъ и табакеркою, но о семъ подаркѣ въ первомъ допросѣ онъ не показалъ,—достоинъ лишенія офицерскихъ чиновъ, но какъ изъ дѣла видно, что онъ, и окромѣ сего учиненнаго имъ преступленія, доносить на полковника Ганзера, въ чемъ велѣно его, Корсакова, и судить воинскимъ судомъ, къ тому жъ изъ взятой отъ полку справки оказывается, что онъ, Корсаковъ, и напередъ сего бывалъ во многихъ порокахъ, а посему уже и надѣяться можно, что онъ, по худому своему состоянію, при воинскомъ судѣ, не избѣгнетъ достойнаго штрафа, и посему, доколѣ о немъ воинской судъ сдѣлаетъ сентенцію по сему положенію, исполненія не чинить, но послать отъ губернской канцеляріи къ суду о семъ нынѣ приговоренномъ штрафѣ извѣстіе, сказавъ только то, что оной Корсаковъ сему наказанію подвергъ себя по извѣстному Е. И. В-ву преступленію, и по тому-бъ въ заключаемую сентенцію и сіе приговоренное ему наказаніе внесено было.

Въ рапортѣ отъ 31-го декабря 1767 г. показано, что капитанъ Римской-Корсаковъ, по объявленію ему подлежащаго, посланъ изъ губернской канцеляріи къ опредѣленному, по доносу его, Корсакова, на полковника Ганзера, для изслѣдованія, къ полковнику Гринвальту, со извѣстіемъ, что онъ, Корсаковъ, достоинъ въ лишенію офицерскихъ чиновъ и проч.

Канцеляристъ Манаковъ за то, что будучи въ архангелогородской духовной консисторіи у дѣла и зная, что Арсенія содержать велѣно за важныя его вины подѣ крѣпкимъ карауломъ, и допускать къ нему никого не велѣно, а онъ за всѣмъ симъ ходилъ къ нему въ келью, да тѣмъ еще безстрашнѣе, что и взялъ съ него во взятю люстрину, въ чемъ самъ признался, за что достоинъ онъ осужденія, но какъ изъ дѣла видно, что онъ, по доносу одного подъячаго, долженъ быть, въ перемѣнѣ экономическихъ приходныхъ и расходныхъ книгъ и въ датѣ другихъ фальшивыхъ, подѣ слѣдствіемъ, то его нынѣ оставить подѣ тѣмъ слѣдствіемъ и велѣтъ оное окончать, какъ наискорѣе возможно, а по ованчаніи того слѣдствія, хотя онъ и правъ явится, то за вышеписанную его дерзость послать его въ Сибирь и опредѣлеть тамъ въ службу.

Въ рапортѣ отъ 31-го декабря 1767 г. показано: канцеляристъ Манаковъ, по объявленіи ему подлежащаго, отправленъ, съ поручикомъ Митяшинымъ, подѣ карауломъ, въ Сибирь, при промеморіи, по указу отъ 20-го дек. 1767 г. По указу отъ 20 дек. 1767 г. Манаковымъ и заканчивается число лицъ, привлеченныхъ къ слѣдственному дѣлу Арсенія Мацѣвича.

Всѣмъ же бывшимъ по сему дѣлу людямъ, высочайшимъ Е. И. В-ва указомъ, наискрѣпко подтвердить, чтобъ они о чемъ кто изъ нихъ въ губернской канцеляріи спрашиванъ, тако-жъ есть-ли иногда кто изъ нихъ же отъ Арсенія какія либо важныя непристойныя разглашенія слышалъ, тобъ во всю жизнь свою разговоровъ никогда, нигдѣ, ни съ кѣмъ и ни подѣ какимъ видомъ не имѣли и разглашеніевъ не чинили, подѣ опасеніемъ, за неисполненіе того, жесточайшаго истазанія.

Въ рапортѣ отъ 31-го декабря 1767 г. показано: всѣмъ бывшимъ по сему дѣлу людямъ, высочайшимъ Е. И. В-ва указомъ, наискрѣпчайше подтверждено все, что высказано въ указѣ 20-го декабря, и за руками ихъ взяты подписки.

Въ рапортѣ же отъ 31-го декабря 1767 года, архангельская губернская канцелярія представляетъ князю Вяземскому, что въ указѣ 20-го декабря 1767 года пропущены нѣкоторые подсудимые по дѣлу монаха Арсенія, какъ на примѣръ, сверхъ означеннаго числа, по тому-жъ дѣлу состоитъ володникъ того-жъ Николаевского Корельскаго монастыря пономарь и бывшаго архи-

мандрита Антонія келейникъ Галактіонъ Сухоруковъ, въ отношеніи отъ него, Антонія, выписаннаго изъ молитвенника для поминовенія на проскомидіяхъ письма къ іеромонахамъ въ церковь съ приказомъ его, Антонія, чтобъ оныя читали и части вынимали и въ слышаніи имъ, Галактіономъ Сухоруковымъ, что то письмо іеромонахи Григорій, Іосифъ Юрьевъ и самъ означенной бывой архимандритъ Антоній на проскомидіяхъ читали и части вынимали, о которомъ какъ въ экстрактѣ, подъ литерою А, такъ и во всеподданнѣйшемъ Е. И. В-ву репортъ представлено было; но хотя онъ, Сухоруковъ, содержится и не весьма въ важномъ дѣлѣ, но какъ уже онъ состоитъ подъ карауломъ, то губернская канцелярія безъ повелѣнія освободить его собою не смѣетъ; также архангелогородской консисторіи о канцеляриствѣ Романѣ Петровѣ, которой по тому дѣлу призванъ былъ въ свидѣтельство по заперательству капитана Римскаго-Корсакова съ очной ставки, противъ перваго Антоніева допроса, что онъ, Антоній, связывалъ ему, Корсакову, о крѣпкомъ Арсенія содержаніи, противъ чего онъ, Корсаковъ, отпирался, а Антоній и на очной ставкѣ то-же подтверждалъ и о прочемъ, о чемъ оба ссылались на него, Петрова, но онъ, Петровъ, показалъ, что за пьянствомъ тѣхъ ихъ разговоровъ не слышалъ и не помнитъ, о чемъ явствуетъ въ послѣдне посланномъ экстрактѣ; почему онъ, Петровъ, какъ въ слышаніи тѣхъ разговоровъ не оказался и задержанъ въ губернской канцеляріи не былъ, а въ означенномъ князя Вяземскаго предложеніи ничего объ нихъ не упомянуто и что съ ними, Сухоруковымъ и Петровымъ, повелѣно будетъ учинить, архангелогородская канцелярія проситъ отъ князя Вяземскаго повелительной резолюціи.

Въ секретномъ предложеніи князя Вяземскаго архангельской губернской канцеляріи, отъ 16-го янв. 1768 года, приказано Сухорукова отпустить попрежнему въ монастырь и канцеляриста Петрова въ губернскую канцелярію не требовать.

VI.

Въ архангелогородской канцеляріи оставались пожитки Арсенія, образа, книги, платье и прочее. Въ рапортѣ отъ 31-го декабря 1767 г., архангельская губернская канцелярія увѣдомляла князя Вяземскаго между прочимъ и о томъ, что въ отправленномъ изъ губернской канцеляріи въ нему, Вяземскому, рапортѣ съ сержантомъ Юхляевскимъ донесено было о подаренной отъ растриги Андрея Врала бывшему архимандриту Антонію рясу и полукафтаны, которыя какъ при допросѣ его, Антонія, по случаю, въ городѣ Архангельскомъ, на подворьѣ были отобраны отъ него и нынѣ находятся при губернской канцеляріи, также и оставшіе его, Андрея Врала, пожитки, которые въ губернской канцеляріи описаны и хранятся при оной канцеляріи; на разсмотрѣніе-жъ къ князю Вяземскому тѣмъ пожиткамъ и опись при семъ рапортѣ архангелогородская канцелярія представляетъ, со испрошеніемъ резолюціи, какъ прописанныя подаренныя рясу и полукафтаны, такъ и оныя пожитки, куда повѣльно будетъ дѣвать. Въ описи значится 6 иконъ, два креста панагія, нѣсколько штукъ святыхъ мощей, до сорока книгъ, 4 рясы, между прочимъ 1 бѣлый клобукъ, бѣлье, посуда, хлѣбныя припасы, да сверхъ того указъ изъ святѣйшаго правительствующаго синода, писанный 1763-го года, марта 14 дня, подъ номеромъ 1063-мъ къ бывшему тогда въ Ростовѣ митрополитомъ, Арсенію, о бытіи ему изъ Ростова въ Москву, который указъ въ оригиналѣ и сообщенъ при семъ рапортѣ (отъ 31-го дек. 1767 г.).

Пожитки покладены всѣ въ оказавшіеся, при описи оныхъ, сундуки и коробки, которые и запечатаны губернской канцеляріи присутствующихъ печатями. По листамъ опись скрѣплена губернаторскимъ товарищемъ Андреемъ Сорокинымъ.

Въ секретномъ предложеніи Вяземскаго архангельской губернской канцеляріи, отъ 16-го января 1768 года, приказано: описанные Андрея Врала пожитки, равно и подаренное отъ него Антонію платье, не назначивая, чьи они были, изъ оной губернской канцеляріи, съ описью, запечатавъ въ сундукъ, отослать коллегіи экономіи къ вице-президенту Хитрову; о приѣмѣ-жъ оныхъ пожитковъ оному Хитрову отъ меня знать дано, а святые образа поставить въ церкви.

Отъ 30 января 1768 года, архангельская губернская канце-

лярія въ секретномъ рапортѣ князю Вяземскому доносила, что пожитки Арсенія будутъ отосланы съ отправляющимся съ ефимочною казною здѣшнихъ баталіоновъ офицеромъ.

Вице-президентъ Хитровъ, въ рапортѣ отъ 27 марта 1768 года князю Вяземскому, донесъ, что марта 20 дня изъ архангельской губернской канцеляріи, по силѣ полученнаго въ оную отъ вашего сіятельства предложенія, при сообщеніи во мѣѣ, присланы нѣкоторые пожитки въ одномъ сундукѣ и тюкѣ, за печатью и описью той канцеляріи, да денегъ шесть рублей тридцать четыре копейки, кои исправно и получены. Определено эти пожитки продать обще съ прочими монашескими ихъ имѣніями.

24-го марта 1768 г. архангельскій губернаторъ Егоръ Головцынъ секретно донесъ князю Вяземскому, что, въ пожиткахъ извѣстнаго вашему сіятельству человѣка, найдена одна панагія, оправленная въ серебрѣ, а другая еще была въ Николаевскомъ Корельскомъ монастырѣ серебряная, маленькая, съ мощами, коя также взята, и хранятся обѣ за печатью, которыя куда повелѣтъ соизволите отправить, ожидаю увѣдомленія. По мнѣнію-жъ Головцына, оныя здѣсь въ церковь поставятъ, равно образа и мощи, о которыхъ ваше сіятельство губернской канцеляріи повелѣтъ соизволили, не надлежитъ, дабы чрезъ то не оставить о немъ памяти; потому что есть-ли у него кто оныя видалъ, то тотчасъ узнать можетъ, а не изволите-ль приказать образа въ такое мѣсто поставить, гдѣ обѣ оныхъ никто никакого свѣдѣнія имѣть не будетъ, также и мощи, на что и ожидаю вашей апробаціи. Въ его книгахъ были двѣ книги печатныя Николаевского Корельскаго монастыря, которыя попрежнему въ монастырь я велѣлъ отдать (книги эти, какъ въ описи значится: Скрижаль московской печати, другая Діалогизмъ духовный кievской печати), а съ описи копія 1763-го года его пожителямъ, которую копію въ его книгахъ нашли, не принадлежащую здѣсь, у сего представляю.

31-го марта 1768 года, князь Вяземскій секретно извѣстилъ Егора Андреевича Головцына, что Е. И. В-во, по докладу его, повелѣтъ соизволила, панагію извѣстную прислать къ нему, а что касается до образовъ, то оныя такъ изволите употребить, какъ вы въ вашемъ письмѣ писали.

12-го мая 1768 г., Головцынъ секретнѣйше донесъ князю Вяземскому, что во исполненіе всевысочайшаго Е. И. В-ва пове-

лѣнія, а по предложенію вашего сіятельства, двѣ панагіи при семь за печатью посылаю, а образа и мощи поставлены такъ, какъ я вашему сіятельству доносить честь имѣлъ.

О пожиткахъ Арсенія должны сказать, что образа и мощи привязано скрыть куда нибудь въ неизвѣстное мѣсто, гдѣ нельзя о нихъ имѣть никакого свѣдѣнія, чтобъ не было памяти объ Арсеніи, прочія вещи отправлены для продажи въ коллегію экономіи, а двѣ панагіи Арсенія препровождены въ Спб. къ генералу-прокурору князю Вяземскому.

VII.

Обратимся теперь къ ревельскому арестанту.

Только что успѣлъ Тизенгаузенъ отрапортовать о принятіи его въ ревельскій казематъ, какъ государыня, чрезъ статсъ-секретаря Григорья Николаевича Теплова, прислала ему съ эстафетой собственноручный указъ, въ подтвержденіе инструкціи о содержаніи Арсенія, пущенной отъ 15-го января и полученной 23-го января. Императрица писала оберъ-коменданту:

„Извѣстному вамъ арестанту опредѣлено по десяти копѣекъ на день, но есть ли сего на его содержаніе мало, то дайте мнѣ знать, дабы я могла прибавить; ибо мои намѣренія есть, чтобъ онъ нужду не терпѣлъ, а только чтобъ онъ былъ лишень возможности сотворить людямъ невиннымъ и себѣ чрезъ пустое болтанье зло, а денегъ отнюдь въ руки ему не давайте; онъ сколько старъ, столько и пронырливъ; есть ли же ему нужда будетъ въ бѣльѣ и одеждѣ, то удовольствуете его безъ излишества, а въ болѣзняхъ велите его лечить и предпишите тѣмъ, кои оволо его, чтобъ съ нимъ безъ грубости обходились“.

Отъ 26-го января 1768 г. Тизенгаузенъ доносилъ Теплову о полученіи имъ письма отъ него и съ приложеніемъ притомъ собственноручнаго Е. И. В-ва письма, и въ то-же время покорно просилъ г. Теплова вручить Е. И. В-ву всеподданнѣйшій репортъ оберъ-коменданта.

Послѣдній писалъ императрицѣ, что извѣстной Е. И. В-ву арестантъ въ ревельской крѣпости содержится такимъ порядкомъ, какъ, съ Высочайшей Е. И. В. апробаціи, присланною ко мнѣ инструкціею повелѣно и опредѣленному при немъ офицеру, въ данной инструкціи, точно предписано, чтобъ съ нимъ караульные обходились безъ грубости и озлоб-

ленія, что и исполняется, и о состояніи его въ каждой день отъ караульнаго офицера словесно репорты я получаю. На содержаніе его опредѣленнаго числа по 10 копѣекъ на день по нынѣ достаточно и нужды онъ въ пищѣ и питіи не имѣетъ, при спрашиваніи довольнымъ себя почитаетъ; ибо по-вой для него теплой и, что для себя потребуетъ, то караульный офицеръ чрезъ подчиненныхъ въ каждой день ему и приготовляетъ, денегъ въ руки ему ни одной копѣйки не дается.

Въ бѣльѣ и одеждѣ теперь ему нужды никакой не состоитъ; ибо у него шуба и кафтанъ новые, одѣяло теплое, рубахъ съ порты довольно имѣется; бѣлье же, когда пожелаешь, тогда и перемѣняетъ, а мыть оное приказано караульнымъ солдатамъ при казематѣ въ сѣняхъ, не вынося вонъ и не отдавая въ постороннія руки, дабы въ качествѣ бѣлья его посторонніе люди видѣть не могли ¹⁾. Караульному офицеру съ подчиненными накрѣпко запрещено, дабы съ нимъ, арестантомъ, никакихъ и ни о чемъ разговоръ не имѣть; кромѣ того, что единственно онъ для своего содержанія будетъ требовать, въ томъ ему порядочно и безъ грубости отвѣтствовать и принадлежащее до него исправлять, а, впрочемъ, по его иногда спросамъ, отзывать приказано незнаніемъ, а напротивъ того и караульнымъ, о имени и состояніи его, спрашивать и разговоры имѣть не велѣно: вслѣдствіе чего по нынѣ отъ него излишнихъ рѣчей никакихъ не происходило и содержитъ себя тихо (во всѣхъ своихъ репортахъ до своей смерти Тизенгаузенъ князю Вяземскому каждый мѣсяцъ повторяетъ эту фразу), а книги печатныя церковныя читать ему дозволено. Съ начала сюда пріѣзду его, на другой день, онъ былъ боленъ, и хотя о пользованіи его въ инструкціи во мнѣ присланной и не изображено, однако, съ нынѣшнимъ В. И. В-ва высочайшимъ повелѣніемъ, учинилъ я сходственное: для пользованія его опредѣлилъ лекаря, которымъ оной арестантъ черезъ два дня и выпользованъ, а прежде посланъ къ нему того лекаря, обязанъ оной подпискою, подъ смертною казнію, чтобы оной лекарь не только о имени и состояніи его не спрашивалъ

¹⁾ Въ счетѣ о приходѣ и расходѣ денегъ, принадлежащихъ на содержаніе въ Ревелѣ секретнаго арестанта, значится, что деньги получались изъ рев. генераль-губерн. канцеляріи изъ конторы камерирской. О качествѣ холста для бѣлья Арсенія можно судить также по счету, гдѣ означено: декабря 31 дня куплено холста на бѣлье по 6¹/₂ копѣекъ аршинъ. И. М.

и никому до смерти своей не объявлялъ, но ниже догадами или минами каковыми знать нигдѣ не давалъ.

9-го января 1768 года, Тизенгаузенъ донесъ ревельскому губернатору, принцу фонъ-Голштейнъ Беку, что въ силу высочайшаго Е. И. В-ва повелѣнія, для нѣкоторыхъ извѣстныхъ ему расходовъ, потребно на 1768-й годъ получить изъ доходовъ ревельской генераль-губернскон канцелярии денегъ 184 рубля 70 копѣекъ, котормя деньги въ тотъ же день и приняты изъ ревельской генераль-губернскон канцелярии изъ конторы камерирской, на содержаніе арестанта.

Прошло не болѣе четырехъ мѣсяцовъ, по полученіи прапорщикомъ Густелевымъ отъ Тизенгаузена секретнѣйшей инструкціи, какъ уже оберъ-комендантъ ревельской крѣпости, 13 мая 1768 года, вручаетъ секретный ордеръ тому же Густелеву слѣдующаго содержанія. Извѣстенъ я состою, что вы, отлучаясь отъ своего посту, ходите къ чиновнымъ людямъ въ праздничные дни съ поклонами, чрезъ которой случай легко сдѣлаться можетъ, что любопытные люди могутъ у васъ спрашивать о вѣренномъ вамъ въ смотрѣніе арестантѣ; въ воскресные и праздничные дни, какъ вы, такъ и унтеръ-офицеръ, ходите въ церкви для службы Божіей; упоманутой унтеръ-офицеръ затѣмъ въ команду вашу и поручень, чтобы во время твоего во мнѣ съ репортомъ или за другимъ нужнымъ дѣломъ отлученія могъ при караулѣ находиться и всего смотрѣть, что вѣрено; ибо во отбытіе обонхъ васъ легко можетъ какая сдѣлаться погрѣшность. Когда заболѣли, то допустили къ себѣ въ казематъ войти жену свою съ дочерью, что учинено въ пренебреженіе данной вамъ внструкціи, по которой, кто-бы онъ ни былъ, никого кромѣ дозволеннаго, по приказу моему, капитана Бирюкова, допускать не велѣно; за что подлежало васъ не только чувствительному аресту, но и тяжкому штрафу предать; предлагаю впредь ни къ кому съ поклонами въ дома отнюдь не ходить, кромѣ, что во мнѣ съ репортомъ и до капитана Бирюкова; когда же случится итти во мнѣ съ репортомъ, то бѣ, въ небытность вашу, унтеръ-офицеръ при командѣ находился неотлучно, и притомъ накрѣпко подтверждается, въ помянутой казематъ отнюдь никого не допускать, а поступать по данной вамъ инструкціи и по сему ордеру, безъ всякаго упущенія, подъ опасеніемъ, за неисполненіе, не только лишенія чина своего и тяжкаго наказанія, но и смертной казни.

19-го іюля 1768 года, генераль-прокуроръ князь Вяземскій приказалъ: хотя командированному по высочайшему Е. И. В-ва соизволенію, для исправленія нѣкоторой секретной коммисіи, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку капитану Христофору Нолькену на неизвѣстное число верстъ прогонныхъ денегъ сто двадцать рублей изъ тайной экспедиціи и выданы, но какъ оной Нолькенъ, возвратясь изъ той коммисіи, ему, генераль-прокурору, объявилъ, что онъ, на прогоны употребля всѣ тѣ выданные ему сто двадцать рублей въ расходъ, издержалъ еще собственныхъ своихъ денегъ двадцать одинъ рубль восемьдесятъ семь копѣекъ; и потому оныя издержанныя имъ Нолькенымъ на прогоны собственныя деньги выдать ему изъ тайной экспедиціи.

VIII.

Изъ Сійскаго Антоніева монастыря, бывшій, по дѣлу извѣстнаго растриги, доноситель іеродіаконъ Іоасафъ Лебедевъ прислалъ три пасквильныхъ доноса; въ первомъ онъ пишетъ, что, при бывшемъ отъ него на означеннаго растригу доносѣ, запятовалъ онъ, Лебедевъ, показать, что оной растрига сказывалъ ему о своемъ письмѣ, которое онъ писалъ въ Святѣйшій Синодъ и за которое, наконецъ, пострадалъ, что оное написалъ онъ по наставленію переяславскаго архіерея (Сильвестра Строгородскаго), который къ нему пріѣзжалъ въ Ростовъ, и то-де наставленіе имѣлось у него до взятія его, но спасибо де тому офицеру, которой его бралъ, что онъ пожаловалъ скрылъ, а то то-жъ бы де было и Переяславскому, что мнѣ сдѣлано. Наконецъ, въ томъ же доносѣ просить, чтобъ его, Лебедева, учинить свободна отъ духовнаго чина, для того, что всѣ на него за бывшій на растригу доносъ гнѣваются, и его ненавидятъ, сожалѣя растриги, а особливо консисторскій судія протопопъ, которой имѣлъ къ нему великую склонность, ѣзжалъ къ нему и привозилъ отъ архіерея деньги, яко бы въ милостыню, тако-жъ вущанье и напитки, за что получалъ отъ него себѣ подарки.

Во второмъ доносѣ онъ описываетъ чинимые ему, Лебедеву, отъ архимандрита Гавріила побои и притѣсненія, и что оной архимандритъ во время битья устрачивалъ его, „не станешь ли де ты надъ нами подыскиваться и ябедничать, такъ какъ въ Никольскомъ монастырѣ сдѣлалъ; ты де нынѣ въ мнѣхъ ру-

кахъ, бойся меня, что хочу, то и сдѣлаю надъ тобою“. Прилагаетъ при второмъ доношеніи объявленіе, именованъ монастырскаго служителя Бакачева и жены его, писанное рукою іеромонаха Лазаря, яко-бы означенной архимандритъ одну дѣвочку седмилѣтнюю... жену его многожды неволею бралъ къ себѣ въ келью для... а казенныя деньги, положенныя на починку монастыря крадетъ, записывая въ расходъ больше, нежели что издержано. Въ томъ-же доношеніи пишетъ, что архимандритъ, узнавъ о семъ объявленіи, которое было у него, Лебедева, и боясь доносу, ѣздилъ къ архіерею и объявилъ на него, что онъ съ служителемъ Бакачевымъ пьянствуетъ, за монастыремъ ночевалъ двѣ ночи, на первой недѣлѣ великаго поста пять дней въ церкви не былъ и самовольно отлучался въ Емецкой острогъ; а потому послѣдовала отъ архіерея резолюція такая, чтобъ его, Лебедева, отъ священнослуженія отрѣшить на годъ, сковать въ желѣза, ходить въ церковь и на всякомъ пѣннѣ полагать по 50 поклоновъ земныхъ.

Послѣ объявленія архіерейской резолюціи, архимандритъ, призвавъ его въ свою келью и лежа пьяной, приказывалъ ему, Лебедеву, себя цѣловать, и какъ только онъ къ нему подошелъ, то архимандритъ, схватя его за волосы и бороду, дралъ немилосердо, потомъ приказалъ лечь къ себѣ на постелю и паки дралъ за волосы и за бороду, также билъ по щекамъ, губамъ и въ грудь немилостиво; а наконецъ, взявъ за.... говорилъ, хочешь ли, я тебя теперь ушибу, никто тебѣ не поможетъ, не будешь ли ты про меня чего говорить, и потомъ.... такъ, что онъ тогда заревѣлъ и просилъ его о помилованіи.

Просить, такъ какъ и въ первомъ доношеніи, о отрѣшеніи его отъ монастыря, о лишеніи іеродіаконскаго и монашескаго чина и о дачѣ ему для прокормленія вѣчно увольнительнаго пашпорта.

Въ третьемъ доношеніи оной Лебедевъ пишетъ, что объявленной архимандритъ самъ собою безъ увазу постригаетъ въ монахи, и также растригаетъ; и что у него въ монастырѣ есть сверхъ положеннаго въ штатѣ числа излишніе монахи, кои довольствуются положенною по штату суммою.

4-го декабря 1768 года, генераль-прокуроръ князь Вяземскій, во исполненіе всевысочайшаго Е. И. В-ва соизволенія, по полученнымъ архангельской епархіи Антоніева Сійскаго монастыря отъ іеродіакона Іоасафа Лебедева тремъ доношеніямъ,

приказалъ: хотя оной Лебедевъ въ двухъ доношеніяхъ своихъ и показываетъ, яко - бы означеннаго монастыря архимандритъ Гавріилъ и другіе монахи причиняютъ ему обиды и притѣсненія, мстя будто ему симъ за доносъ его на извѣстнаго расстригу Арсенія, и что будто объявленной архимандритъ дѣлалъ описанныя въ тѣхъ его доношеніяхъ продерзости и надъ нимъ ругательства, но какъ по справкѣ съ прежнимъ о немъ, Лебедевъ, дѣломъ оказалось, что онъ, будучи еще въ Никольскомъ монастырѣ, обращался въ пьянствѣ и велъ себя непорядочно и по рѣшенію онаго дѣла посланъ въ Антоніевъ монастырь съ тѣмъ, чтобъ начальникъ онаго монастыря старался не допускать его до пьянства и худыхъ дѣлъ; слѣдовательно, означенное его показаніе вѣроятно быть не можетъ, потому что оное происходитъ отъ него не инаково, какъ отъ злобы на архимандрита, по сему сіе его показаніе оставить безъ слѣдствія, а чтобъ оной Лебедевъ впредь симъ невоздержнымъ своимъ поведеніемъ и пьянствомъ не наносилъ монашеству нарѣканія, а обществу своему соблазна и безпокойствія, архангельскому архіерею желать лишить его священства и монашества, и послѣ того, какъ человѣка дерзкаго и неспокойнаго, чтобъ праздно не шатался, для написанія въ солдаты отослать къ архангельскому губернатору, о чемъ какъ къ нему, такъ и къ губернатору отписать. Последнее же доношеніе Лебедева приказано отослать въ свѣтѣйшій синодъ, которое и отослано туда княземъ Вяземскимъ 10-го декабря 1768 года.

19-го декабря 1768 г., Егоръ Головцынъ, архангельскій губернаторъ, секретно донесъ князю Вяземскому о полученіи имъ его повелѣнія отъ 8-го декабря 1768 г., объ отсылкѣ расстриги Лебедева къ тобольскому губернатору, для опредѣленія въ тамошній гарнизонъ въ солдаты.

22-го декабря 1768 г. архангельскій епископъ Іоасафъ донесъ князю Вяземскому, что онъ, 18-го декабря, Е. И. В-ва высочайшее повелѣніе получилъ, и того-жъ числа за іеродіакономъ Іоасафомъ Лебедевымъ, для привозу его, посланъ былъ отъ меня нарочной, которой сего-жъ декабря 22-го дня возвратясь, поданнымъ мнѣ за руками того монастыря архимандрита съ братією репортомъ, объявилъ, что оной Лебедевъ до пріѣзду того посланнаго, лежа въ болѣзни, 20-го декабря помре, и при церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, гдѣ прочая бра-

тія погребается, по церковному чиноположенію, погребень. Объ этомъ же, отъ 26-го декабря 1768 г., извѣстилъ князя Вяземскаго и архангельскій губернаторъ Головцынъ. Такимъ образомъ, Лебедевъ, не дождавшись рѣшенія по указу отъ 4-го декабря 1768 года, скончался.

IX.

20-го апрѣля 1769 года, князь Вяземскій писалъ фонъ-Тизенгаузену, что Ея Импер. Величество всемилостивѣйше повелѣть соизволила извѣстному арестанту на пропитаніе производить на каждой день по пятнадцати копѣекъ. Объ отпускѣ-жъ Тизенгаузену въ прибавокъ прежде отпускаемой изъ ревельской губернской канцеляріи суммѣ въ оную канцелярію было сдѣлано княземъ Вяземскимъ предложеніе, 30-го апрѣля 1769 г.

Прибавка въ выдачѣ на каждый день на пропитаніе Арсенія вмѣсто 10 копѣекъ по 15 связана съ поѣздкою предъ тѣмъ временемъ въ С.-Петербургъ оберъ-коменданта фонъ-Тизенгаузена. Въ ордерѣ своемъ плацъ-маіору Гибнеру (отъ 13 апрѣля 1769 г.) Тизенгаузенъ писалъ, что онъ, въ силу имяннаго отъ Е. И. В-ва повелѣнія, имѣетъ отправиться на нѣкоторое время въ С.-Петербургъ и предлагаетъ ему, Гибнеру, чрезъ почту еженедѣльно репортовать ему о состояніи содержащагося въ Ревелѣ нѣ котораго арестанта.

На прибавочныя деньги въ 1770 году, въ маѣ мѣсяцѣ, арестанту куплено холста на бѣлье тонкаго и широкаго по 12 копѣекъ аршинъ, поровиѣе и поуже по 5¹/₄ коп. аршинъ.

7-го іюля,—не іюня, какъ значитса у И. А. Чистовича и у В. С. Ивонникова (см. „День“, 1862 г., № 15, и „Рус. Стар.“ 1879 г., стр. 193, кн. окт.)—1769 г. скончался оберъ-комендантъ фонъ-Тизенгаузенъ.

23-го іюля 1769 г., посланъ былъ отъ князя Вяземскаго секретнѣйшій указъ Гибнеру и Бирювову, извѣстнаго арестанта имъ обонимъ, впредь до указа, имѣть въ своемъ вѣдомствѣ и во всемъ содержать его такъ, какъ насланными отъ Е. И. В-ва повелѣніями предписано покойному генералу-поручику фонъ-Тизенгаузену.

29-го іюля 1769 года, плацъ-маіоръ Андрей Гибнеръ и капитанъ Иванъ Бирюковъ прислали князю Вяземскому сек-

ретнѣйшій репортъ, въ которомъ извѣщали его сіятельство, что его повелительный ордеръ, отъ 23-го іюля 1769 года, пущенный изъ С.-Петербурга, они получили 28-го іюля того-же года, по которому надлежащее исполненіе чинено будетъ.

Каждомѣсячно плацъ-маіоръ Гибнеръ и капитанъ Бирюковъ, какъ-то дѣлалъ и оберъ-комендантъ Тизенгаузенъ, посылаютъ князю Вяземскому покорнѣйшіе репорты въ однообразной формѣ и одинаковаго содержанія: содержащійся въ здѣшней крѣпости въ опредѣленномъ казематѣ, извѣстной вашему сіятельству арестантъ содержится такимъ порядкомъ, какъ присланною къ бывшему оберъ-коменданту Тизенгаузену инструкцію повелѣно и поныгѣ ведетъ онъ себя тихо.

3-го апрѣля 1770 г., Гибнеръ и Бирюковъ вошли къ князю Вяземскому съ секретнымъ доношеніемъ, не соизволить ли его сіятельство объ отпускѣ на 1770 годъ для содержанія арестанта съ караульными подлежащаго числа денегъ, по общему нашему требованію, а подъ росписку приходчика и расходчика онымъ капитана Бирюкова, въ ревельскую губернскую канцелярію учинить предложеніе и насъ о томъ въ извѣстіе въ отвѣтъ снабдить повелительнымъ ордеромъ.

13-го апрѣля 1770 г., въ своемъ предложеніи ревельской губернской канцеляріи, князь Вяземскій писалъ, что онъ за нужное находить предложить симъ ревельской губернской канцеляріи, чтобъ она опредѣленная на извѣстные расходы деньги ежегодно отпускала плацъ-маіору Гибнеру и капитану Бирюкову, по требованіямъ ихъ. Того-же числа князь Вяземскій отправилъ секретный ордеръ Гибнеру и Бирюкову, съ извѣщеніемъ ихъ, что, по ихъ доношенію, объ отпускѣ для извѣстныхъ расходовъ по двѣсти по три рубли ежегодно ревельской губернской канцеляріи отъ него предложено, которые изъ оной канцеляріи они и могутъ получать по требованіямъ своимъ.

21-го апрѣля 1770 года, Гибнеръ и Бирюковъ репортовали князю Вяземскому, что ими полученъ его сіятельства повелительный ордеръ, пущенный отъ 13-го апрѣля и ими полученный 17-го апрѣля.

Въ счетъ прихода и расхода денегъ на содержаніе въ ревельской крѣпости извѣстнаго арестанта, мая 1 дня принято, значитса, изъ ревельской рентерен на сей 1770 годъ, годовая сумма 203 рубли.

Въ 1771 году, 25 января, вмѣсто Тизенгаузена назначенъ оберъ-комендантомъ ревальскимъ фонъ-Бенкендорфъ. Князь Вяземской писалъ по этому случаю фонъ-Бенкендорфу: Въ ревальской крѣпости въ одномъ казематѣ содержится теперъ нѣкоторый извѣстный Е. И. В. Враль, который сначала туда отсылки порученъ былъ въ надзираніе покойному оберъ-коменданту фонъ-Тизенгаузену, и притомъ, какимъ образомъ съ нимъ поступать, дана ему за собственноручнымъ Е. И. В. подписаніемъ инструкція, но со смерти г. фонъ-Тизенгаузена поручена сія коммисія бывшимъ у него во употребленіи по касающимся до сей коммисіи дѣламъ плацъ-маіору Гибнеру и капитану Бирюкову. А какъ ваше превосходительство опредѣлены нынѣ на мѣсто Тизенгаузена, то е. и. вел-во всевысочайше указать соизволила объявленнаго Вралья, такъ какъ и касающіяся до него письменныя дѣла, принять вамъ въ свое смотрѣніе и поступать съ нимъ по точной силѣ объявленной инструкціи во всемъ непремѣнно.

Отъ 2-го февраля 1771 г. секретно репортовали князю Вяземскому Гибнеръ и Бирюковъ, что они получили повелительный ордеръ, пущенный отъ 25-го ч. января, о сдачѣ ими имѣющагося въ ихъ смотрѣніи арестанта и всѣхъ касающихся до него письменныхъ дѣлъ фонъ-Бенкендорфу, 29-го января, по которому, по прибытіи въ Ревель новаго оберъ-коменданта, надлежащее исполненіе ими учинено будетъ.

Отъ 3-го марта 1771 года князь Вяземскій приказалъ Степану Ивановичу Шешковскому, по высочайшему повелѣнію, отпустить на содержаніе извѣстнаго арестанта изъ суммы тайной экспедиціи на сутки по пятнадцати копѣекъ, и на первый случай приказано отпустить, подъ росписку господина плацъ-маіора Калачова, три рубля.

Отъ 19-го марта 1771 года, новоназначенный ревальскій оберъ-комендантъ, генералъ-поручикъ Иванъ фонъ-Бенкендорфъ, секретно репортовалъ князю Вяземскому, что предложеніе отъ его сіятельства, пущенное отъ 25-го генваря, по прибытіи въ Ревель, имъ получено 17-го марта исправно, и что какъ арестантъ, такъ и всѣ, касающіяся до него въ производствѣ, бывшія въ рукахъ у капитана Бирюкова письменныя дѣла, въ надлежащей исправности, имъ въ свое смотрѣніе приняты.

Отъ 19-го же марта 1771 г., плацъ-маіоръ Гибнеръ и ка-

питанъ Бирюковъ, съ своей стороны, также репортовали князю Вяземскому, что они сдали новому оберъ-коменданту фонъ-Бенкендорфу имѣющагося въ ихъ смотрѣніи арестанта и всѣ касающіяся до него письменныя дѣла.

Отъ 2-го апрѣля 1771 года, новый оберъ-комендантъ въ первый разъ репортуетъ князю Вяземскому объ извѣстномъ арестантѣ въ прежней формѣ: извѣстной арестантъ содержится такимъ порядкомъ, какъ инструкціею повелѣно и понынѣ ведетъ себя тихо.

По назначеніи Бенкендорфа ревельскимъ оберъ-комендантомъ, императрица писала къ князю Вяземскому: „какъ генераль-поручикъ фонъ-Бенкендорфъ нынѣ оберъ-комендантомъ въ Ревеліи опредѣленъ, то не изволишь ли писать къ нему, чтобъ онъ за Вралемъ имѣлъ смотрѣніе такое, какъ и Тизенгаузенъ имѣлъ; а то боюсь, чтобъ, не бывши ему порученъ, Враль не заводилъ въ междоцарствіи свои какія ни на есть штуки и чтобъ не стали слабѣе за симъ звѣркомъ смотрѣть, а намъ отъ того не выливались новыя хлопоты“.

Безъ сомнѣнія это письмо то же, которое передается въ разсказѣ И. В. Лопухина другими словами, при чемъ слово звѣрокъ замѣнено словомъ птичкою (см. „Чт. Моск. Общ. Истор.“ 1862 г., III, 194 и II, 12).

Изъ Ревеля возили Арсенія и въ динаменскую крѣпость, запирать въ погребъ, какъ видно изъ записки при дѣлѣ (см. біографію Арсенія Мацѣвича, изд. въ Лейпцигѣ въ 1863 году и напеч. въ „Зрителѣ“ въ 1862 г. и въ „Чт. Моск. Общ.“ въ 1862 г.). На это въ подлинномъ дѣлѣ указываютъ два документа:

1) Рапортъ Динаменской крѣпости отъ коменданта, полковника Вейганта, князю Вяземскому, отъ 22-го апрѣля 1771 г., Динаментъ, и 2) Резолюція князя Вяземскаго на запросъ Вейганта 30-го іюня 1771 г. Въ первомъ документѣ полковникъ Вейгантъ рапортовалъ князю Вяземскому, что, „извѣстной вашему сіятельству арестантъ и поднесъ находится въ томъ же покоѣ, въ которой, по повелѣнію вашего сіятельства, на зимнее время введенъ; а какъ нынѣ уже приходитъ къ лѣтнему времени, то не соизволите ль повелѣть въ прежней погребъ, въ которомъ до сего былъ, его перевести, или въ томъ же верхнемъ оставить; ибо и сей покой, въ которомъ нынѣ состоитъ, такъ укрѣпленъ,

что никакого сумнѣнія къ содержанію его не состоитъ“; о семъ Вейгантъ просить князя Вяземскаго не оставить резолюцію, которой и ожидать имѣеть.

30-го іюня 1771 года, на запросъ Вейганта, князь Вяземскій отвѣчалъ, что „е. и. вел-во высочайше повелѣтъ соизволила, содержаніе порученнаго вамъ арестанта въ той или другой казармѣ оставить на распорядокъ вапшъ, такъ что, которая вами за удобную въ содержанію его почитается, въ той и можете его содержать, съ тѣмъ однако примѣчаніемъ, чтобъ оной арестантъ не могъ сдѣлать каковой либо пакости, что и остается на вашемъ отвѣтѣ“.

Послѣдніе два документа свидѣтельствуютъ о томъ, что Арсеній не безысходно до смерти оставался въ ревельскомъ казематѣ, но былъ вывозимъ изъ ревельской крѣпости въ первой половинѣ 1771 года; поэтому неправы историки, не признающіе подобнаго факта, что могло произойти отъ того, что они проглядѣли въ дѣлѣ эти документа, которые и пришиты къ дѣлу верхними строками внизъ, какъ у насъ выражаются, вверхъ ракомъ¹⁾.

25-го іюня 1771 года, фонъ-Бенкендорфъ отправилъ въ генералу-фельдмаршалу, ревельскому генералу-губернатору, принцу фонъ-Голштейнъ-Беку доношеніе слѣдующаго содержанія: „Въ силѣ высочайшаго е. и. вел—ва повелѣнія, для нѣкоторыхъ извѣстныхъ мнѣ расходовъ, потребно мнѣ на нынѣшній 1771 годъ получить изъ доходовъ ревельской генераль-губернской канцеляріи денегъ двѣсти три рубли; вслѣдствіе чего вашей свѣтлости чрезъ сіе предоставляя, прошу, дабы повелѣно было оное число денегъ отъ губернской канцеляріи отпустить въ мое вѣдомство непродолжительно, подъ росписку ревельскаго втораго баталіона капитана Бирюкова“.

Изъ счета о приходѣ и расходѣ денегъ, принадлежащихъ на содержаніе секретнаго арестанта, видно, что, вслѣдствіе означеннаго доношенія Бенкендорфа къ принцу Голштейнъ-Беку, іюля 7 дня 1771 года, принято изъ ревельской рентерен на 1771 годъ 203 рубль.

¹⁾ Такимъ же образомъ пришта къ дѣлу одна бумага, отъ 1769 г. ноября, безъ означенія дня, подъ именемъ: извѣстіе отъ оберъ-секретаря Степана Шенковскаго Правительствующаго Сената къ расходу, о принятіи подъ росписку, отъ расхода, изъ курьерской суммы, пятисотъ рублей — губ. секрет. Врихова.

X.

29-го февраля 1772 г., изъ Ревеля, отъ ревельскаго оберъ-коменданта, фонъ-Бенкендорфа, князю Вяземскому былъ посланъ репортъ, въ которомъ первый пишетъ, что „26-го февраля 1772 г. содержащійся въ ревельской крѣпости въ одномъ казематѣ нѣкоторый Враль тяжело заболѣлъ и требовалъ священника; почему оной того-жъ числа пополудни въ девятомъ часу къ нему и допущенъ, которымъ священникомъ былъ исповѣданъ и святыхъ таинъ приобщенъ, а 28-го числа пополудни въ восьмомъ часу оной арестантъ и умре, которой сего числа, по пробитіи вечерней тапты при російской церкви, и погребенъ будетъ; съ помянутаго же священника (ревельской Николаевской церкви, Саввы Кодратова), по силѣ инструкціи 4-го пункта, взята подписка, подъ смертною казнію, чтобъ онъ по смерти свою ни подъ какимъ видомъ никому, что онъ въ тому арестанту былъ допущенъ, не сказывалъ“, и репортажъ о семъ просить у князя Вяземскаго повелѣнія прислать къ послѣдному письменныя дѣла, состоящія въ производствѣ объ ономъ арестантѣ, или иначе, что объ нихъ учинить, повелѣнія; также бывшія у него книги церковныя и оставшее послѣ его простое платье, постелю и бѣлье ношеное куда отдать—просить о всемъ снабдить его резолюцію.

Отъ 12-го марта 1772 г. князь Вяземскій секретно отвѣтилъ фонъ-Бенкендорфу, что „е. и. величество высочайше указать соизволила къ вашему превосходительству отписать мнѣ, чтобъ вы всѣ тѣ письменныя дѣла, кои касались до бывшаго въ нашемъ вѣдѣніи извѣстнаго арестанта, прислали ко мнѣ чрезъ почту за своею печатью, надписавъ на пакетѣ: секретно; оставшую жъ послѣ его рухлядь роздать нищимъ“.

Отъ 24-го марта 1772 г. фонъ-Бенкендорфъ секретно репортовалъ князю Вяземскому, что онъ, бывшія въ его вѣдѣніи, всѣ письменныя дѣла, касающіяся до помянутаго арестанта, какъ входящія въ оригиналъ, такъ и исходящимъ ко концепты со учиненною описью, вмѣстѣ съ отобранною отъ караульнаго офицера инструкцію, въ его сіятельству представляетъ; оставшая рухлядь послѣ упомянутаго арестанта, кромѣ книгъ, вся роздана нищимъ; а книги церковныя, при немъ бывшія, отданы духовнику его, ре-

вельскія Николаевскія церкви священнику, Саввѣ Кодратову, съ роспискою; бывшіе при ономъ арестантѣ на караулѣ офицеръ съ командою обязаны наикрѣпчайшимъ реверсомъ, чтобъ они по конецъ своей жизни ни съ кѣмъ объ немъ разговоры не имѣли, но предали глубочайшему молчанію; при семъ представляетъ также счетъ о принятыхъ на содержаніе умершаго арестанта съ опредѣленною командою деньгахъ, за рукою приходчика и расходчика онымъ капитана Бирюкова.

Въ роспискѣ, данной духовникомъ Арсенія въ приемѣ книгъ церковныхъ (отъ 23 марта 1772 г.), упоминаются слѣдующія подержанныя книги, а именно: псалтирь слѣдованная большая одна, новый завѣтъ одинъ, молитвословъ одинъ, требникъ малый одинъ, святцы московскіе одни, всего пять книгъ; г. Знаменскій въ своихъ „Чтеніяхъ по церковной исторіи“ (въ 1875 г. въ Православномъ Собесѣдникѣ) упоминаетъ только о трехъ книгахъ; а въ Біографіи князя Голицына, изданной въ Лейпцигѣ въ 1863 г., въ 1862 г. и въ „Зритель“ напечатанной, и въ „Чтен. моск. общ. Исторіи и Древностей“ (въ 1862 же году), въ числѣ оставшихся книгъ не вѣрно показывается сочиненіе Арндта на латинскомъ языкѣ; потому что ему дозволено было давать только русскія книги. Въ этой же біографіи, въ числѣ платья, оставшагося послѣ Арсенія, значится овчинная втайкою покрытая шуба.

Въ счетѣ прихода и расхода суммъ на содержаніе секретнаго арестанта, подъ 28-мъ числомъ февраля 1772 г., означенъ любопытный расходъ: февраля въ 28-й день, по кончинѣ арестанта, въ погребенію его, купленъ гробъ, дано 1 р. 4 копѣйки, холста на саванъ на 50 копѣекъ, грамота и вѣнчикъ 6 коп.

Въ Ревелѣ въ самомъ тяжкомъ заключеніи пробылъ бывшій митрополитъ Ростовскій Арсеній Мацѣвичъ четыре года, одинъ мѣсяць и 20 дней (привезли его въ Ревель 1768 г. 8 янв., умеръ 1772 г. 28 фев.).

Такъ пострадалъ Арсеній за рѣчи, не имѣвшія никакихъ послѣдствій, и оказался тяжкимъ и опаснымъ преступникомъ, находясь въ кельѣ монастырской подъ карауломъ, и въ то время, какъ внѣ монастыря у него не открыто никакихъ связей.

Каземать, въ которомъ заключенъ былъ Арсеній въ Ревелѣ, заключалъ въ себѣ 10½ футовъ длины и 7 ширины, на вода-

ныхъ воротахъ. Въ „Другѣ юношества и всякихъ лѣтъ“, изданіе Максима Невзорова (Москва, 1814 г., март. кн., стр. 20 — 38, авг. кн., стр. 113 — 128), въ статьѣ „Орлина Пустынь“ описывается этотъ казематъ: „Пустынька, говорится тамъ, обращена въ памятникъ будто несчастіямъ нѣкотораго Андрея, знаменитаго твердостію духа и страданіемъ своимъ, въ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія. У полевой дороги поставлена хижина, точно будто таковой мѣры, десять съ половиною футовъ длины и семь шириною, внутри, какою была темница, тайная свидѣтельница мученической кончины страдальца и неописанныхъ утѣхъ ему отъ силы, въ немощи совершающейся — древняго крѣпостнаго зданія темница, на толстой, сырой стѣнѣ которой онъ дрожащею въ маститой старости рукою начерталъ: „благо мнѣ, яко смирилъ мя еси“. Въ хижинѣ по бокамъ крестообразныя окошки, а передняя и задняя стѣны снаружи расписаны. На передней, которая на полдень, на двери съ крыльца, изображенъ чернымъ крестъ на горѣ, А-ва Орлиная пустыня. На памятникѣ надпись: „священной памяти А. страдальца 1813 года, апрѣля 14-го дня, чрезъ полѣвья, въ тотъ самый день, въ который начались его злоключенія“.

Въ историко-статистическомъ описаніи Николаевскаго Корельскаго монастыря Макарія, епископа архангельскаго и холмогорскаго (см. „Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Др.“ 1879 г., кн. 1, стр. 1—49), указывается на мѣсто той келии, въ которой находился Арсеній Мацѣвичъ, будучи сосланъ въ Николаевскій Корельскій монастырь. Келию эту указываютъ подъ Успенскою церковію, подлѣ ея алтаря, въ которой и содержался Арсеній Мацѣвичъ три года и два мѣсяца. Но это указаніе едва-ли справедливо: Арсеній находился въ Корельскомъ монастырѣ болѣе четырехъ лѣтъ, ибо опредѣленіе состоялось о ссылкѣ его въ Николаевскій Корельскій монастырь 15 апрѣля 1763 г., а вывели его изъ Николаевскаго монастыря въ Ревель 1767 г. 27 дек. ¹⁾.

И. Я. Морозовичъ.

С.-Петербургъ.

4-го октября 1884 г.

¹⁾ Въ этой статьѣ преосвященнаго Макарія мы замѣтили также слѣдующую ошибку: онъ ошибочно называетъ донощика на Арсенія Мацѣвича іеродіакономъ Іоанномъ, тогда какъ онъ носилъ имя Іоасафа (см. стр. 13 въ его статьѣ: Истор.-статист. описаніе Ник. кор. монастыря).